

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

«ДЕВЯТЬ ЛГУНИШЕК НА САМОЛЕТ ПОПРОСИМ,

ВЫСШАЯ

ОДИН СМЕРТЕЛЬНО ОПОЗДАЛ,

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

И ИХ СТАЛО ВОСЕМЬ...»

ПОГЛОЩЕННЫЕ СУМРАКОМ

Лорет Энн Уайт

Поглощенные сумраком

Серия «Высшая лига детектива»

Серия «Приманка для убийцы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63306530

Поглощенные сумраком / Лорет Энн Уайт: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-113636-9

Аннотация

Мэйсон Денье, детектив из Ванкувера, из-за личных проблем переводится на работу в захолустный городок, где все ему кажется странным. Ко всему прочему, на него тут же обрушивается запутанное, кровавое дело, по хронологии событий поразительно напоминающее «Десять негрятят» Агаты Кристи.

У реки обнаружен гидросамолет с потерпевшими, но вскоре выясняется, что к трагедии привела вовсе не авария.

Мэйсону и главе местной поисково-спасательной группы Келли Саттон придется столкнуться с собственными страхами, чтобы разгадать эту загадку и понять, кто в этом деле жертва, а кто – хищник.

Содержание

Сейчас	5
Поиск	15
Гости в лесном доме	30
Гости в лесном доме	39
Гости в лесном доме	54
Гости в лесном доме	60
Поиск	78
Поиск	95
Гости в лесном доме	105
Гости в лесном доме	117
Гости в лесном доме	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Лорет Энн Уайт

Поглощенные сумраком

Моим родителям и всем врачам и медсестрам, которые заботились о них, пока я начинала, писала и заканчивала эту книгу. А также моим дорогим братьям, сестрам и дочерям, близким и далеким, которые помогали поддерживать домашний очаг. Я люблю вас всех больше, чем могу выразить словами.

Сейчас Иногда стоит бояться... только себя

8 ноября, воскресенье

Прежде чем официантка приносит завтрак, я беру пакетики сахара из коробочки на столе и поспешно засовываю их в карман. Потом я жадно поедаю «Особую тройную яичницу Клуэйн-Бэй для лесорубов» и прошу официантку принести еще один тост. Я ломаю тост на кусочки и собираю ими жир от бекона и остатки яичных желтков на тарелке. Потом допиваю кофе и обвожу взглядом небольшой дешевый ресторан.

Пусто. Официантка ушла на кухню.

Я выпиваю сливки из кувшинчика. Теперь мой желудок готов лопнуть, но я беру салфетку и аккуратно заворачиваю в нее кусочки хлеба, которые просто не могу доесть. Я отправляю салфетку в карман одолженной куртки, где уже лежат пакетики с сахаром.

Внутри тепло, но я не снимаю куртку из-за холода, который до сих пор пробирает меня до мозга костей. Врачи сказали, что со мной все в порядке. Они сказали, что мне повезло. Все они говорили одно и то же – полицейские, сани-

тары, члены поисково-спасательной группы. Я верю им. Мне невероятно повезло, и я могу лишь благодарить счастливое расположение звезд, которое помогло мне выжить.

И вот я здесь, всего лишь с забинтованным черепом, головной болью, несколькими порезами и синяками. Я – единственное живое существо, которому удалось пережить это.

Ибо в конце может остаться только один.

А дойти до конца – значит прийти к началу, не так ли? Кажется, Т. С. Элиот писал что-то в этом роде¹. О том, что конец находится там, где все начинается, и лишь те, кто рискнул зайти слишком далеко, могут узнать, как далеко можно зайти.

Возможно, завтра я согреюсь. Возможно, тогда моя животная потребность в еде немного успокоится.

Движение за окном привлекает мой взгляд. Это женщина из полиции, констебль Биркен Хаббл, идет по тротуару от озера. Коллеги называют ее Хабб. Ее лицо было первым, которое я увидела, очнувшись в крошечном помещении бревчатого дома, служащего больницей в этом уединенном северном городке. Она – одна из трех полицейских, расквартированных в Клуэйн-Бэй, где я оказалась после того, как меня доставили на вертолете из дикой глуши.

Я наблюдаю за ней. Хабб – невысокая, светловолосая и плотно сложенная. У нее важная походка служителя закона,

¹ Скорее всего, имеется в виду поэма «Четыре квартета» Т. С. Элиота («Ист-Коуер», V: «В моем конце – начало») – (прим. пер.).

похожая на боцманскую ходьбу вразвалочку, румяные щеки и округлое довольное лицо, выглядывающее из-под ондатровой шапки с опущенными наушниками. Но за обманчиво дружелюбной внешностью скрывается настоящий коп. Мне кое-что известно о том, как носить маску Януса. Возможно, поэтому они послали ее за мной; они думают, я могу сделать промашку и что-нибудь рассказать ей. Они убеждены, что я что-то скрываю.

Полицейские из Клуэйн-Бэй хотят еще раз допросить меня – ради формальности, как они сказали, – в крошечной дощатой штаб-квартире местного отделения Королевской конной полиции Канады, расположенной по пути к озеру. Они уже задавали мне бесчисленные вопросы в больнице, сразу же после эвакуации и после того, как врач и медсестры стабилизировали мое состояние. Я рассказала им все, что могла.

Дверь раскрывается, и Хабб входит внутрь, впуская за собой волну холодного воздуха. Она утирает нос тыльной стороной большой черной перчатки и кивает мне. Я – единственный клиент заведения, так что меня трудно не заметить. Ресторан находится на нижнем этаже единственного мотеля в городе. Это полицейские поселили меня здесь.

Я поднимаюсь со стула, натягиваю одолженные перчатки и прошу официантку добавить счет за еду к моему счету за проживание в мотеле, а затем следую за констеблем Хаббл навстречу морозному ветру, задувающему с озера.

Пока я иду рядом с ней в куртке с чужого плеча, мои глаза слезятся от ветра, из носа начинает лить как из ведра. Тогда я запускаю руку в карман и нащупываю салфетку, засунутую туда за завтраком. Когда я достаю салфетку, недоеденный тост с хрустящей корочкой вываливается на мерзлый тротуар. Я останавливаюсь в приступе мгновенной паники и быстро подбираю его с земли. Сую обратно в карман, и моя душа вдруг наполняется радостью. Я смеюсь; кусочек хлеба спасен от забвения. Теперь мне не грозит голод. И на улице сплошная красота: туманные завихрения и обрывки облаков, необъятный простор, повсюду вокруг заснеженные вершины, – чудесная тишина и уединение маленького городка на севере Британской Колумбии.

Меня потрясает сладостно-горькая, невероятно острая и почти неизбежная красота окружающего мира, ощущение простого бытия. Это ощущение несообразно с катастрофичностью моего положения. Пятнадцать дней назад меня бросили в бездонную яму, в черную глушь моей собственной души. Там обитало Чудовище, и оно посмотрело мне в глаза, и оказалось, что Чудовище было мной.

Но у меня хватило сил отвернуться от этого обвиняющего взгляда. Моя внутренняя сила рвалась наверх и выгрызала путь на волю. И тогда Чудовище осталось там, внизу. Далеко, очень далеко.

Меня спасли.

Скоро нагрянут репортеры. Камеры, вопросы, критиче-

ские суждения. Мне еще предстоит пройти это тяжелое испытание. Но сейчас, в это ясное и бодрящее снежное утро возле берега озера Клуэйн, рядом со мной только констебль Хабб. А на всякий случай у меня есть пакетики сахара и кусок хлеба с хрустящей корочкой.

В полицейском участке Хабб приводит меня в комнатку без окон с грязно-белой плиткой на полу. В центре стоит прикрученный к полу металлический стол и по одному пластиковому стулу с каждой стороны. Я бросаю взгляд на потолок и замечаю маленькую видеокамеру в верхнем углу.

– Сержант Денье скоро придет, – говорит Хабб и закрывает дверь. У меня почти сразу же начинается одышка, и я начинаю сжимать и разжимать кулаки. Мы познакомились с сержантом Мэйсоном Денье еще в больнице. Он находился вместе с поисковой группой, которая помогла вывезти меня из леса.

Медсестра сказала мне, что Мэйсон Денье лишь недавно прибыл в Клуэйн-Бэй. Он был опытным детективом из отдела расследования убийств в большом городе, но по какой-то причине, еще неизвестной членам небольшой местной общины, выбрал перевод в эту тихую полицейскую гавань на севере.

Я снова смотрю на камеру, и слабое беспокойство, показывающее где-то глубоко в груди, начинает расти и пульсировать.

Дверь открывается, и входит Денье с папкой бумаг, руч-

кой и блокнотом. В его темных волосах на висках поблескивает седина. Он носит мундир RMCP² и бронежилет. Насколько я понимаю, будь он городским следователем по уголовным делам, он был бы одет в красивый костюм с галстуком. Взгляд его серых глаз кажется цепким и оценивающим, но в их глубине застыла боль. Этот человек пережил нечто очень тяжелое. За его обманчиво тихим поведением скрывается нечто темное и опасное, словно подводный электрический кабель.

Каковы ваши секреты, мистер Денье?

Какую ложь вы готовы поведать?

Потому что мы все лжем.

Каждый из нас – и тот, кто утверждает, что не делает этого, – наибольший лжец.

Вспышка воспоминания слепит меня. Кровь. Ужас в глазах другого человека. Мое сердце бьется быстрее.

– Как вы себя чувствуете сегодня утром? – спрашивает Мэйсон, заходя к столу с другого конца. Он кладет на стол папку и блокнот, прежде чем стряхнуть с плеч форменную куртку и повесить ее на спинку стула. – Голова не болит?

Я прикасаюсь к повязке на лбу, едва ли не ожидая снова увидеть окровавленные пальцы. Но чувствую лишь жесткую, обволакивающую ткань бинтов.

– Я... Спасибо, мне гораздо лучше. Просто слабая голов-

² RMCP (Royal Canadian Mounted Police) – Канадская королевская конная полиция (прим. пер.).

ная боль.

– Нормально выпались в мотеле?

– Да, – говорю я. – А вы хорошо выпались?

Наши взгляды пересекаются. Он изучает меня.

Он оценивает, был ли мой вопрос обусловлен невинной вежливостью, или я исподволь бросаю вызов его авторитету и стараюсь сделать его скорее человеком, нежели стражем порядка. Низвести его до моего уровня.

– Да, спасибо, – спокойно отвечает он.

Но морщинки в уголках его глаз свидетельствуют о другом. Я подозреваю, что он плохо спал. Возможно, бессонница – это разновидность «новой нормальности» для бывшего городского копа из отдела убийств. Я неплохо сужу о людях и многое знаю о «новой нормальности».

– Спасибо, что пришли, – он указывает на стул, ближайший ко мне. – Садитесь, пожалуйста.

Я снова бросаю взгляд на камеру и осторожно усаживаюсь. Кладу руки на стол ладонями вниз, но желание бежать отсюда только усиливается. Теперь я чувствую его как пульсирующее давление под повязкой на голове. Клаустрофобия тоже в новинку для меня после многосуточного пребывания в горах и лесах. Я внушаю себе, что в этом подвиге заключается настоящая сила. Теперь у меня она есть. Я могу то, чего другие не могли – и *не смогли* – сделать.

Я выжила.

– Кофе? – спрашивает он. – Сок, чай или вода?

Я качаю головой.

Мэйсон открывает блокнот, просматривает несколько строк мелкого рукописного текста, предупреждает меня о том, что наша беседа записывается, и предлагает мне назвать мое имя под запись. Потом он смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Вы хотите, чтобы кто-то еще присутствовал при нашем разговоре?

Я качаю головой.

– Вы уверены? Мы можем предоставить вам сотрудника из агентства помощи жертвам преступления. Вы можете попросить адвоката...

– Нет.

Он смотрит на меня.

– Хорошо. Вы в любое время можете попросить о перерыве.

– Кто наблюдает за нами? – я киваю в сторону камеры.

– Два сотрудника RMCP.

– Детективы?

– Да.

Я покусываю нижнюю губу и вновь киваю. Мои ладони, лежащие на крышке стола, взмокли, несмотря на холод, пронизывающий кости.

– Я хочу, чтобы вы еще раз подробно описали, что случилось после того, как группа покинула лесной дом.

Еще один проблеск воспоминаний. Треск выстрелов. Те-

ло, подвешенное за шею. Крики, ужасные крики...

– Не торопитесь, – мягким и дружелюбным тоном продолжает он. – Опять-таки дайте мне знать, если вам понадобится чье-то присутствие.

Девять лгунишек на самолет попросим,
Один опоздал, и их стало восемь...

– Давайте начнем с воскресного утра 25 октября – со встречи в отеле «Тандерберд» у причала гидросамолета, где вы познакомились друг с другом.

Я смотрю в его зоркие серые глаза. Как он мог прийти к этому пониманию? Как вообще кто-то мог знать об этом?

Мы стали группой людей с животными инстинктами. Любая наша слабость была усилена и обострена ощущением вины, страхом, голодом и крайней усталостью. Самой потребностью выживания. Такая борьба выводит на первый план самые тревожные и непредвиденные аспекты человеческой личности. Это изменило нашу реальность. Вероятно, до сих пор мы понятия не имели о том, что это такое.

Теперь я знаю, что Реальность – текучая и эфемерная вещь, которая зависит от тех, кто тебя окружает. За пределами контекста твое восприятие не может быть понято и осознано теми, кого не было рядом. Как объяснить, что тебя за несколько часов вырвали из средоточия цивилизации и забросили в черный лес, в сердце тьмы из сказок братьев

Гримм?

Я тихо кашляю, чтобы прочистить горло.

– В то утро у причала нас было восемь человек. Восемь, включая экскурсовода.

Поиск Мэйсон

30 октября, пятница

В конце октября темнота рано наступала в Клуэйн-Бэй, особенно там, куда падали длинные тени от гранитных гор. А когда она наступала, то была абсолютной. Никакого мягкого искусственного света над городком. По сути дела, Клуэйн-Бэй едва ли можно было назвать городом. Он не имел муниципального статуса, здесь не было ни мэра, ни городского совета. Силы правопорядка ограничивались маленьким отделением RCMP из трех человек в северном округе Британской Колумбии со штаб-квартирой в Принс-Джордж.

Клуэйн был родным домом примерно для шестисот постоянных горожан, живших в деревянных домах на нескольких продуваемых ветрами улицах на побережье озера Клуэйн, одного из крупнейших природных озер на севере Британской Колумбии. Летом выдавались прекрасные деньки, привлекавшие любителей дикой природы. Но зимой озеро замерзало и задувал жестокий северный ветер. В Клуэйне имелась маленькая взлетно-посадочная полоса, новая набережная с променадом, крошечное почтовое отделение и некоторые жизненно необходимые магазины и службы, включая

пекарню, бензоколонку и мотель с баром-рестораном на первом этаже. За последними улицами на окраине только лесовозные дороги и вездеходные колеи тонкими нитками уходили в густые бескрайние леса и скалистые горы. Клуэйн-Бэй был воплощением северного захолустья, и сержант Мэйсон Денье чувствовал это, сжимая рулевое колесо полноприводного полицейского автомобиля, пробираясь по глубоким колеям крутой лесовозной дороги в сумерках, где облака смыкались с вершинами деревьев.

Вызов поступил полчаса назад.

Двое охотников наткнулись на место крушения гидросамолета. Он рухнул среди деревьев вдоль берега ущелья, несущего белую кипящую воду из озера Таксис в Таксис-Ривер. Охотникам удалось связаться по радио с другом, который позвонил в полицейское отделение Клуэйн-Бэй по стационарной линии. В Клуэйне не было мобильной связи. Формально Мэйсон был главой отдела, но о канцелярской работе не могло быть и речи. Одна из двух его сотрудников, констебль Биркен Хаббл, уже находилась на месте и брала показания у охотников. У другого сотрудника, Джейка Подгорски, был выходной день.

Фары автомобиля Мэйсона высветили еще одну водную полосу. Лесовозная дорога вышла из употребления, и глубокие диагональные канавы были вырыты через регулярные интервалы для предотвращения эрозии. Включив полный привод, он приблизился к канаве под углом в тридцать гра-

дусов. Это стоило ему пробуксовки на подъеме. Когда ведущее колесо уперлось в дно канавы, он вывернул руль в противоположную сторону и стал аккуратно подниматься на другую сторону. Но у заднего бампера его автомобиля оказался недостаточный дорожный просвет. Бампер и выхлопная труба заскрежетали и залязгали об камни. Он выругался.

Деревья смыкались вокруг по мере подъема. Ветки скребли по бортам автомобиля, как ногти по грифельной доске. Это напоминало ему о школе, о Дженни и Люке. Перед его глазами возник яркий образ: Люк со своим маленьким динозавром на рюкзаке в первый день школы. Он стиснул руки на рулевом колесе, когда сердце забилося сильнее, подавил непрошеное воспоминание и проверил показания GPS. Он должен был находиться рядом с рекой. Туман наползал со склона горы и запускал свои мглистые пальцы в ветви. Огни фар Мэйсона были похожи на мглистые тоннели в полумраке. Возможно, он сделал неправильный выбор, когда согласился на эту должность.

Как правило, уединенные северные аванпосты вроде этого были уделом новобранцев из «резервного дивизиона» в Реджине. Но для Мэйсона, ветерана уголовного розыска с двенадцатилетним стажем, это был выбор без выбора, ситуация между двух огней. Он сам подал запрос о переводе на новое место.

Либо это, либо закопаться в еще более глубокое дерьмо по пути к дисциплинарному взысканию. Или, хуже того, к

бесславному увольнению.

Возможно, ему следовало подать в отставку и заблаговременно покончить с этим. Но что-то глубоко внутри побуждало Мэйсона продержаться хотя бы еще немного, попытаться выиграть время и найти спокойное, надежное место, где можно будет находиться ниже зоны радарного поиска. Возможно, через два-три года в этом захолустье он будет готов вернуться в большой город, к серьезным уголовным расследованиям. Возможно, тогда у него снова появится вкус к жизни.

Но другая часть сознания Мэйсона, – его деструктивная часть, – нашептывала, что он обманывает себя. Он больше никому не нужен. Он – просроченный товар. Никто больше не захочет работать с ним или доверять ему.

Это твой последний выбор.

Он обогнул крутой изгиб дороги и увидел кроссовер Хабб, припаркованный под свисающими ветвями пихты; двигатель, работавший на холостых оборотах, выбрасывал маленькие клубы белого дыма. Окна были затуманены, но Мэйсон мог различить три силуэта внутри. Перед кроссовером стоял покрытый запекшейся грязью внедорожник, раскрашенный в камуфляжные цвета. На сиденье лежал светоотражающий жилет. Мэйсон остановился за кроссовером. Хабб вышла из автомобиля и вразвалочку направилась к нему, неестественно согнув руки, чтобы не касаться ременной перевязи с кобурой. Она была коротышкой, – пожалуй,

не более пяти футов двух дюймов в сапогах со стальными подковками, – и тяжелая оружейная перевязь вместе с бронежилетом под курткой делали ее фигуру гротескно пухлой. Хабб очень нравились пончики из пекарни напротив полицейского отделения. Ее щеки и нос покраснелись от мороза, глаза блестели от влаги.

– Привет, босс, – сказала она, когда Мэйсон вышел из автомобиля.

Он до предела застегнул молнию на форменной куртке. При сырой погоде на такой высоте мороз быстро проникает под кожу. Он услышал звук текущей воды.

– Место крушения там, – она указала в сторону густой рощи и кустарников с бурыми осенними листьями. – Он пролетел по оврагу за деревьями, но там густая растительность. Я не смогла разглядеть сверху, но охотники говорят, что хвост завис прямо над рекой, а остальное застряло на скальном карнизе и в грунте на берегу.

– Эти ребята нашли его? – Мэйсон кивнул в сторону внедорожника с двумя темными силуэтами.

– Да. Я сняла показания. Попросила их подождать, чтобы вы могли поговорить с ними, если понадобится. Оставила сидеть там, где тепло.

– Есть признаки, что крушение произошло давно? – спросил Мэйсон, направляясь к деревьям перед оврагом. Хабб следовала за ним, хрустя каменистой землей. Звук текущей воды усилился. Влага оседала на ветвях хвойных деревьев и

клубилась в воздухе.

– Они сказали, что там нет ржавчины. Похоже, он рухнул совсем недавно. Кто знает? Позавчера я видела в новостях, как поисковая партия нашла остатки самолета тридцатилетней давности. Возле Клируотера... но они нашли его только потому, что искали другой пропавший самолет из Альберты.

Это был недостаток Хабб: она слишком много болтала. Она не могла остановиться, и это доводило Мэйсона до белого каления.

Он раздвинул ветки, которые Хабб пометила полосками оранжевой флуоресцентной ленты, и шагнул вперед. Придерживаясь за еловую ветку, он попытался заглянуть в расщелину через кусты. У него засосало под ложечкой: земля круто обрывалась перед мысками его сапог. Вода гремела и рокотала примерно в сорока футах ниже, взметая облачка крошечных капель, оседавших на все вокруг. Сказать, что он боялся высоты, было бы преуменьшением. Ему удалось скрывать этот изъян, – возможно, до сих пор, когда он должен был показать свой профессионализм новой команде и горожанам, которые уже сомневались в его способности управлять ситуацией в этом захолустном уголке, затерянном в глуши.

– Я уже позвонила Кэл, – жизнерадостно сообщила Хабб у него за спиной.

Он оглянулся через плечо.

– Кэл?

– Клуэйнская поисково-спасательная группа. Кэл Саттон руководит ей. Нам понадобятся технические специалисты с веревками и опытом работы в проточной воде, если мы хотим поднять эту развалину на берег. Я также связалась с департаментом транспортной безопасности.

Мэйсон молча глядел на нее. Ее щеки стали пунцовыми.

– Я, э-ээ... Рэй, то есть сержант Тед Ньюмен, который был здесь до вашего приезда, – он обычно оставлял связь с поисково-спасательной группой на мое усмотрение, поэтому я решила...

– Поэтому мы взяли инициативу на себя.

– Да, но если вы предпочитаете...

– Нет, все нормально. Мы будем придерживаться заведенного порядка... пока что.

Пока я не пробуду здесь достаточно долго и не выясню, как все устроено.

Она сглотнула, и ее глаза перестали улыбаться.

– Да, сэр.

Мэйсону предстояло заполнить много пробелов. Он прибыл лишь две недели назад, и было ясно, что его предшественника любили и уважали. Настолько, что жители Клуэйн-Бэй в несвойственной для них манере провели целую кампанию за продление срока службы сержанта Теда Ньюмена в их городке. Но правило о переводе соблюдалось неукоснительно, и теперь они получили Мэйсона, который был не в настроении заводить друзей.

– В департаменте транспортной безопасности есть сообщения о воздушных судах, потерпевших крушение или пропавших в этой местности? – спросил он.

– Нет, сэр. Никаких сообщений о разбившихся или пропавших самолетах в этом регионе за последние два года. Следователи департамента находятся в режиме готовности. Они отправят группу, как только мы получим больше информации.

Крепко держась за ветку, Мэйсон робко прощупал ногой пружинистую поверхность под ногами.

– Осторожнее, сэр. Этот мох может соскользнуть вниз.

Почва казалась надежной. Медленно, осторожно он перенес вес на переднюю ногу и немного наклонился вперед. Он видел часть фюзеляжа и поплавков гидросамолета. Он чуть-чуть подался вперед. Левое крыло врезалось в борт ущелья, хвост находился в реке, окруженный бурунами белой пены. Мэйсон тихо выругался и обратился к Хабб:

– Как охотники вообще нашли его здесь?

– Они ранили медведя! – крикнула она в ответ, перекрывая грохот воды. – Охотились на черного самца прошлым вечером и неудачно подстрелили его. На рассвете пошли по следу. Медведь спустился в ущелье, и они последовали за ним.

– Что, прямо *туда*?

– Наверное, медведю очень хотелось жить.

А охотникам, должно быть, очень хотелось убить его, если

они решили спуститься с этих скал.

– Они видели кого-нибудь внутри самолета? – крикнул он, еще чуть ближе придвинувшись к краю, чтобы разглядеть кокпит. Его рука начала дрожать, желудок взбунтовался.

– Нет, сэр.

Ветка в его руке треснула со звуком ружейного выстрела. Прежде чем Мэйсон успел это заметить, она отломилась от дерева. Он упал и покатился, ударяясь о камни. Потом ухватился за кустик, выросший из трещины. Ему удалось приостановить падение, но скользкие ветви выскользнули из ладони. Он заскользил по влажному мху, снова ударяясь о камни, слепо хватаясь за кустики и ростки, торчавшие из трещин. Но ничего не помогало. Он тяжело врезался в каменный карниз, выпиравший над ревущей рекой, оттолкнулся ногами, снова покатился и со стуком приземлился на опрокинутый фюзеляж самолета. Он замер, сердце бешено билось. Все плыло у него перед глазами. Секция фюзеляжа, на которую он опирался, угрожающе накренилась над пенистой водой: поверхность была скользкой, как мокрое мыло.

Панель издала металлический скрип, похожий на стон. Он почувствовал, как металл поддается под его ногой, и застыл в полной неподвижности.

– Сэр! С вами все в порядке, сэр? *Сержант?*

– Все нормально! – рявкнул он из последних сил. Медленно, очень медленно он повернул голову к окошку кокпита, и у него замерло сердце. Прямо перед его лицом – достаточ-

но близко, чтобы прикоснуться, если бы он осмелился протянуть руку, – находился труп, висевший вверх ногами на месте пилота, прочно удерживаемый ремнями безопасности. Его ватно-белое лицо распухло, рот был разинут, затуманенные глаза смотрели на Мэйсона. Светлые волосы были очень коротко подстрижены, в ухе блестела серьга, и до Мэйсона вдруг дошло, что пилот был женщиной. Со своего места он больше никого не видел внутри, но это был плохой наблюдательный пункт. Он сделал глубокий вдох, сосчитал до трех и дюйм за дюймом начал пятиться вверх по склону, дальше от фюзеляжа и от края воды. Самолет протяжно закрипел. Металл скрежетал по камню, погружаясь немного глубже в бурлящую воду. Буруны вокруг хвостовой части стали более заметными.

Мэйсон включил рацию, прикрепленную у плеча.

– Хабб? Ты слышишь меня, Хабб?

Он отпустил клавишу вызова и выругался. Самолет снова пошевелился. Время как будто растянулось. Его поле зрения резко сузилось, в ушах зазвенело. Вестибулярная дезориентация. Он закрыл глаза, пытаясь избавиться от головокружения и подавить зарождавшуюся панику. Лицо сильно вспотело.

– Сэр?

Он нажал на клавишу.

– В кокпите находится мертвый пилот – судя по всему, женщина. Установи связь по спутниковому телефону. Вызо-

ви коронера и группу SAR³ в полном составе.

Он помолчал, перевел дух, стараясь взять под контроль панику и новый прилив адреналина.

Молчание. Он снова нажал клавишу.

– Хабб? – Нет ответа. – Ты меня слышишь, Хабб?

Он осторожно поднял голову и посмотрел на небо. Но это движение перераспределило вес его тела, и сила тяжести дала о себе знать. Он заскользил по мху и снова со стуком врезался в фюзеляж самолета. Металл застонал в ответ. Вода взметнулась еще выше, подталкивая остатки корпуса.

Вот дерьмо!

– Хэй! – раздался крик сверху. – Сержант Денье! Оставайтесь на месте, не шевелитесь! Я спускаюсь.

Мэйсон не рискнул бы пошевелиться. Если бы он соскользнул дальше, то оказался бы в кипящей белой воде рядом с грудой истерзанного металла.

Конец веревки шлепнулся на карниз и повис у его лица. Он услышал движение наверху. Мелкие камешки и галька запрыгали вокруг него. Он закрыл глаза.

Через несколько секунд человек спустился на плоскую и относительно сухую часть карниза. Мэйсон открыл глаза и увидел сапоги. Рука в перчатке потянулась вниз.

– Вы можете ухватиться за мою руку? – спросил женский голос.

Мэйсон сглотнул и потянулся вверх. Кто-то ухватил его за

³ SAR (Search and Rescue) – поисково-спасательная группа – (прим. пер.).

запястье, и облегчение буквально затопило его.

— Крепко держите мое запястье; это образует более прочный замок. — Теперь их запястья переплелись.

— Отлично. Теперь я собираюсь подтянуть вас. Помогайте себе ногами, хорошо? Упирайтесь мысками в камень и отталкивайтесь.

Он кивнул. Когда спасательница потянула его за руку, он осторожно оттолкнулся от фюзеляжа и мелкими шажками стал подниматься к ней. Но в это время гидросамолет с громким скрежетом соскользнул в воду. Бурлящая вода охватила его и со всех сторон хлынула внутрь. Секунду спустя он пропал, поглощенный волнами и брызгами пены.

Мэйсон застыл.

Проклятье!

Он только что отправил вниз по течению потерпевший крушение гидроплан вместе со всеми уликами.

— Не смотрите туда. Сконцентрируйтесь на мне. Просто сосредоточьтесь на движении.

С ее помощью Мэйсон дюйм за дюймом поднимался вверх по каменистому склону. Наконец после нескольких скольжений, когда приходилось останавливаться и переводить дух, он выбрался на более плоскую и сухую часть карниза. Женщина помогла ему опуститься на колени. Он тяжело дышал, промокший от пота и речного тумана. Заморосил дождь. Она сразу же закрепила страховочную веревку и обвязку на его теле.

– Вы не ранены? – спросила она, когда убедилась, что он надежно закреплен.

– Нет.

– Уверены?

Он поднял голову, по-прежнему стоя на коленях. На женщине был шлем с головным фонарем. Становилось темнее, и свет фонаря слепил его, поэтому он не мог ясно видеть черты ее лица.

– Я Кэл, – представилась она. – Келли Саттон, Клуэйнская поисково-спасательная группа. Жаль, что мы не познакомились при более благоприятных обстоятельствах, сержант Денне.

Она улыбалась; он мог это разглядеть, несмотря на свет фонаря. Широкая белозубая улыбка.

На Мэйсона накатило раздражение. Ее веселое дружелюбие с учетом того, что он только что отправил самолет с уликами в бушующую реку, было последним, в чем он нуждался.

– Вы не видели признаков жизни?

– Ответ отрицательный, хотя я не вполне уверен. Женщина выглядела так, будто она была мертва уже некоторое время.

– Женщина?

– Возможно, мужчина, но серьга навела меня на мысль о женщине.

– Ясно. На рассвете мы начнем поиски ниже по течению. Посылать моих ребят в темноту – значит рисковать их жиз-

нюю, особенно в таких условиях. Эта часть Таксиса опасна, когда вода стоит высоко. Ладно, давайте выбираться отсюда. Нас подстрахуют сверху.

Келли нацепила на него новые веревки и карабины.

– Вы когда-нибудь занимались этим? – поинтересовалась она.

– Нет. – Он был уверен, что она ощущает его дрожь.

Она провела инструктаж. Мэйсон боролся с головокружением и шумом крови в ушах, пока выслушивал ее наставления.

– Готовы? – спросила она.

Он заморгал и отвернулся от луча ее фонаря.

– Да, насколько это возможно.

Она немного помедлила, видя его страх, ощущая легкую дрожь в его голосе.

– Все будет хорошо, – тихо сказала она. – Просто расслабьтесь и следуйте моим инструкциям.

Она подняла руку в перчатке и широким круговым движением помахала тем, кто стоял наверху.

– Хорошо, поднимайте нас! – крикнула она.

Мэйсон повис в воздухе, покачиваясь на веревке.

Пора показать себя новым знакомым, Денье. Только не обделайся.

Ему двадцать лет удавалось скрывать акрофобию⁴ от своих коллег. Теперь уже ничего не поделаешь. Чтобы успоко-

⁴ Акрофобия – боязнь высоты (прим. пер.).

иться, он вызвал мысленный образ бутылки виски, ожидавшей его в уединенной избушке почти на берегу озера, которая теперь стала его домом. Он подумал, что если испытание окажется непосильным для него, то можно будет выпить бутылку за один присест и устроить заплыв в один конец.

Гости в лесном доме

Дэн

24 октября, суббота

Дэн Уитлок сидел в задней части челночного автобуса компании Executive Transit. Его туристическая группа находилась в пути уже два часа после того, как они покинули отель «Гейтуэй» при Ванкуверском международном аэропорте. Он в очередной раз посмотрел на часы.

Ему нужно было покурить. Или выпить. Или то и другое. Он посмотрел в тонированное окно. Бесконечные леса и вершины проплывали мимо, когда автобус начал горный подъем на извилистой трассе Си-Скай⁵. В автобусе было восемь туристов, включая его, а также экскурсовод и водитель. Они направлялись к хребту Тандерберд, новомодному курорту для горнолыжного спорта и гольфа к северу от Сквомиша, открытому для лыжников в первой половине года. Но сейчас была осень: слишком поздно для гольфа, слишком рано для горнолыжников. Свежевыпавший снег покрывал горные

⁵ «Между морем и небом» – рекламное название шоссе 99, которое начинается от Ванкувера, некоторое время идет вдоль побережья Атлантики, а потом заворачивает вглубь, проходя через гористые участки, перевалы и многочисленные озера. Примерно через 350 км шоссе 99 заканчивается у исторического поселения Хат-Крик (*прим. пер.*).

склоны, и снаружи было холодно. Дэн ненавидел холод. Он мог какое-то время терпеть его, но не более того. В пятьдесят девять лет у него начинались боли в суставах и разыгрывалась подагра.

Он еще раз посмотрел на часы. Теперь уже недолго. Сначала он отправится в бар отеля или, по меньшей мере, воспользуется мини-баром в своем номере. Выпивка, как и все остальное в этой увеселительной поездке, производилась за счет заведения. За счет концерна RAKAM⁶, оплачивавшего поездку. Согласно плану, их группа должна была переночевать в новом роскошном отеле на Тандерберд-Ридж. На следующий день в десять утра они поднимутся на борт зафрахтованного гидросамолета компании «Вест Эйр» и полетят в высокогорную глушь, где в тайном месте, глубоко в Британской Колумбии, находится роскошный курорт с лесным домом и купальнями. Их будут кормить и поить по высшему разряду, обеспечат шведскую сауну и массаж горячими камнями. Кроме того, в течение десяти дней они могут париться в отдельных саунах на озере или наслаждаться костровыми площадками, защищенными от ветра, на берегу озера, в окружении «первозданной природы». Не стоило и говорить о бесплатном баре и обслуживании номеров. Дэн выиграл эту поездку в казино в июле этого года.

Из утреннего разговора за шведским столом отеля «Гей-

⁶ Реально существующий концерн по производству радарных и видеосистем (прим. пер.).

туэй» с другими участниками курортной поездки он узнал, что оздоровительный курорт «Лесная сень» еще не был официально открыт для посетителей, но новые менеджеры стремились к «взаимовыгодному партнерству» с деловыми предприятиями, которые специализировались на гостиничном бизнесе, доставке продуктов, безопасности и рекламе в нишевых рынках сбыта. Ради этого несколько профессионалов были направлены для оценки «новых ощущений» с целью решить, собираются ли они участвовать в тендерах для заключения долгосрочных контрактов.

Дэн не особенно беспокоился о том, кем были его спутники и по какой причине они оказались рядом с ним. Он принял свой выигрыш, потому что никогда не отказывался от бесплатных подарков. Никогда. Особенно если речь шла о выпивке, изысканной еде и о том, что называлось роскошным отдыхом. Он был усталым, пожилым частным сыщиком, который большую часть своей жизни обслуживал клиентов низшей категории, выползавших из дерьма дренажных канав, поэтому ему вряд ли представилась бы возможность оплатить такой отдых из собственного кармана. Кроме того, ему могло повезти. Он будет тесно общаться и выпивать с богачами, влиятельными людьми, и это может открыть реальные перспективы. Эти старички могли нуждаться в частном сыщике вроде него, чтобы подчищать за ними отбросы; в старом добром следопыте, который держался тише воды ниже травы и действовал на задворках закона. Даже частные

сыщики из лучших юридических фирм иногда передавали ему под столом свои наиболее темные дела.

Женщина, сидевшая перед ним, повернулась и улыбнулась ему:

– Мне так нравятся тайны. А вам?

Ее звали Моника Макнил. Трепетная брюнетка чуть старше пятидесяти, с безупречным макияжем. Она была замужем за лысеющим типом, сидевшим рядом – доктором Макнилом, профессором микологии в университете Торонто. Моника была наследницей сети бакалейных магазинов, сумевшей вывести свою семейную империю в эпоху цельнозерновых и органических продуктов и превратить сеть «Натуральное питание» в убийственное оружие для конкурентов. Теперь ее компания владела «зелеными» супермаркетами почти во всех городах страны. У сети натурального питания также имелся отдел доставки продуктов, поэтому Монике пригласили в эту замечательную поездку.

Дэн кашлянул, чувствуя себя неуютно под ее испытующим взглядом. Привлекательные женщины оказывали такое влияние на него.

– Разумеется, – ответил он. – То есть кому они не нравятся?

Он в самом деле любил тайны. Чем глубже и темнее, тем лучше. Он зарабатывал на жизнь, занимаясь раскопками чужих секретов. Их сила была прямо пропорциональна тому, что он мог потерять – или приобрести – после их раскрытия.

– Не могу дождаться того, что мы увидим завтра, – Моника улыбнулась еще шире.

Он кивнул и подумал о том, что она может приударить за ним. Ему было бы легче терпеть своих спутников, если бы он мог как следует выпить; то небольшое, что он употребил сегодня утром в мини-баре, уже давно выветрилось. Моника перестала улыбаться, повернулась и продолжила тихую беседу со своим мужем, грибных дел профессором.

Кто в здравом уме может выбрать специализацию, связанную с грибами?

Дэн переключил внимание на наблюдение за остальными. Это был один из его талантов.

За рулем находился Берт Кундера. Он владел двумя такими автобусами и небольшой флотилией лимузинов. Берт стремился заключить транспортный контракт с «Лесной сенью», что позволило бы ему совершать челночные рейсы между Ванкуверским аэропортом и причалом для гидросамолета на Тандерберд-Ридж. Смуглый и темноволосый, невысокий, крепко сложенный. Дэн решил, что он завсегда-тай спортзалов. Он вел себя с непринужденной уверенностью и был легким в общении. Приятный парень, который смотрит на жизнь позитивно.

Их экскурсовод Аманда Ганн сидела за водительским креслом; ее блестящие черные волосы были собраны в сложный узел на затылке. Она что-то проверяла в своем планшете, перемещая картинки длинными пальцами с накрашенны-

ми ногтями. Тощая, как экс-модель, слишком костлявая на его вкус. Ему подавай сиськи. Но ему нравилась форма ее губ. Широкие, подкрашенные алой помадой. Два ряда отбеленных зубов. Ее глаза были темными и влажными. Она носила дизайнерские солнечные очки, сдвинутые на лоб, – он решил, что это больше ради моды, чем по необходимости.

Кэтрин Колбурн, режиссер дорожных документальных фильмов, сидевшая по другую сторону прохода от Аманды, через окно вела запись на новенькую цифровую видеокамеру, по ее словам, водонепроницаемую. Кэти была чрезвычайно привлекательной блондинкой тридцати пяти – сорока лет. За тарелкой с низкоуглеводным завтраком она сообщила, что перешла к визуальной документалистике после того, как завершила карьеру телерепортера. Теперь у нее был свой канал на YouTube. По ее словам, материнские обязанности вынудили ее сменить карьеру. Дэн помнил ее по телепередачам; они все ее помнили. Более десяти лет назад Кэтрин Колбурн была ежевечерней ведущей нового городского телеканала. Потом разразился какой-то скандал, но он не помнил, с чем это было связано.

Дебора Стронг, сидевшая за спиной Кэти, смотрела в окно. Тихая брюнетка. В ней было что-то, наводившее Дэна на мысль, что в тихом омуте черти водятся. Она владела компанией под названием «Бутик для домохозяек» и была намерена заключить с курортом контракт о домоуправлении.

Напротив Деборы сидела женщина с такими пронзитель-

ными темными глазами, что они казались черными, – Джекки Блант. Ей было около пятидесяти лет. В ней было что-то тревожное – особенно в том, как она поглядывала на Дэна, когда думала, будто он этого не замечает. Он мог бы поклясться, что где-то встречался с ней. И он бы поставил деньги на то, что когда-то она работала в полиции. Яблоко от яблони недалеко падает. Вероятно, именно это объясняло тревожное ощущение знакомства с ней. Опять-таки, Джекки Блант изучала всех и каждого с какой-то нервирующей напряженностью, как будто считывала микроскопические сигналы и откладывала их про запас для последующей расплаты. Она руководила компанией «Безопасные решения» в Барлингтоне, штат Огайо, и, судя по всему, была первым кандидатом на заключение контракта по обеспечению безопасности.

На курорте в Тандерберд-Ридж им предстояло познакомиться с еще одним гостем – косметическим хирургом Стивеном Боденом, руководителем отделения косметической медицины хирургической клиники Оук-Стрит. А также с пилотом гидросамолета, Стеллой Дагер.

Аманда повернулась к пассажирам и одарила их улыбкой яркостью в сто ватт.

– Почти приехали! – провозгласила она.

Это сообщение пробудило в голове Дэна ее чрезмерно жизнерадостную утреннюю презентацию.

Это потрясающее место. Совершенно поразительное ме-

сто! Истинная роскошь прямо на берегу кристально-чистого озера в девственной глуши. Абсолютно никого – никого! – на много миль в любую сторону. Идеально для гостей, ищущих приватность и уединение. Оздоровительный курорт «Лесная сень» удовлетворяет все потребности наших избранных клиентов, включая косметические и оздоровительные процедуры. Концерн РАКАМ в настоящее время ведет переговоры с двумя частными хирургическими клиниками в Британской Колумбии. Цель заключается в том, что наши гости, которые хотят улучшить свою внешность – получить идеальную грудь, подтянутый живот, молодое лицо – или пройти эксклюзивные медицинские процедуры, могут прилететь в Ванкувер, где их встретят представители транспортной компании – такие, как Берт, – и немедленно отвезут в одну из клиник, где они пройдут все необходимые процедуры, после чего их менее чем за сутки доставят в пятизвездочный отель «Тандерберд-Лодж». Оттуда они полетят на гидроплане в уединенное частное поместье в лесной глуши, где смогут отдыхать и восстанавливать силы в мирной обстановке с полным набором санаторно-курортных услуг, включая бассейны, парную и прибрежные сауны с дровяным отоплением в старинной скандинавской традиции. Плюс гурманские блюда в духе Западного побережья, приготовленные из свежайших природных ингредиентов...

По мнению Дэна, все это было полным абсурдом. Что за бизнес-план, предусматривающий двухдневное путешествие

после хирургической операции, прежде чем пациенты смогут восстановить силы на природе? Но кто он такой, чтобы судить об этом? Богачи совершали всевозможные идиотские поступки, не имевшие, с его точки зрения, никакого смысла, да и в любом случае ему было наплевать, пока они оплачивают его счета и пополняют запасы спиртного в баре.

Тем временем автобус замедлил ход. Послышалось мерное тиканье индикатора. Берт свернул по шоссе на недавно заасфальтированную дорогу. Большая деревянная вывеска с резным орлом указывала путь в «Тандерберд-Лодж».

За окном Дэн видел массу темных облаков, приближавшихся с северо-востока. Ветер раскачивал ветви деревьев. Внезапно он ощутил слабый укол беспокойства, но не уделил этому особого внимания. Ему нужно было выпить, вот и все. Первые признаки абстинентного синдрома.

Но когда автобус начал петлять по новой дороге и темные хвойные деревья подступили ближе с обеих сторон, беспокойство Дэна превратилось в неопределенное, однако вполне четкое ощущение ужаса.

Он никогда не любил дикую глушь.

Гости в лесном доме

Стелла

25 октября, воскресенье

Стелла Дагер проверила свой предполетный список. Все было в порядке. Она прикрыла глаза козырьком ладони и обвела взглядом окружающие горы, визуализируя взлет и посадку, траекторию полета с точками выхода на заданную высоту и аварийные протоколы, чтобы после того, как она окажется в кресле пилота, в случае возникновения проблем действовать автоматически.

Большую часть времени стояла прекрасная погода. Лазурное небо. Белые снежные россыпи на склонах горного амфитеатра, золотистые и оранжевые вкрапления листопадных деревьев посреди хвойного леса. Озеро Тандерберд переливалось солнечными бликами, и ее «Хэвиленд» DHC-2 Beaver Mk1 мягко покачивался на поплавках у причала. Но конус ветроуказателя начал наполняться и поскрипывать на стойке, когда направление ветра изменилось и с севера подошли холодные воздушные массы.

Они должны были принести с собой черные облака, маячившие вдалеке. Стелле нужно было поскорее поднять громоздкую машину в воздух и перелететь через горный хребет.

Поперечные ветры в этой местности бывали очень коварными. И смертоносными. Она посмотрела на часы, понемногу начиная раздражаться.

Аманда Ганн, контактное лицо концерна РАКАМ, заказавшая чартерный рейс Стеллы, сообщила ей, что пассажиры соберутся на причале и будут готовы к посадке еще до десяти утра. Двери гидроплана были открыты. Стелла подготовилась к погрузке багажа, прогрела свою «птичку» и провела быструю проверку систем безопасности. Но было уже 10.23 утра, и никаких признаков туристической группы. Стелла тревожно взглянула на конус ветроуказателя, надувавшийся и хлопавший по мере того, как ветер набирал силу. Она потянулась к мобильному телефону. Но когда она была уже готова позвонить Аманде, блестящий черный микроавтобус с логотипом «Тандерберд-Лодж» остановился на площадке для высадки перед причалом.

Ее охватило облегчение. Когда Стелла убрала телефон, дверь автобуса открылась, и вышла очень стройная женщина. Она была одета в черные джинсы и черную кожаную куртку, полупрозрачный белый шарф был свободно обернут вокруг шеи. Под мышкой она держала планшет с зажимом для бумаг. За ее спиной возник мужчина в униформе отеля и поспешно направился к багажному отделению микроавтобуса. Женщина распорядилась выгрузить багаж, пока выходили остальные пассажиры. Потом она спустилась по лестнице на причал и грациозно прошла на высоких каблуках по де-

ревянным сходням...

– Аманда Ганн, – с легким придыханием сказала женщина, когда подошла к Стелле. Она сверкнула хищной улыбкой и протянула изящную руку. – Мы познакомились по телефону.

Стелла не видела выражения ее глаз, скрытых за большими солнечными очками от модного дизайнера. Она пожала руку Аманды. Ладонь экскурсовода была прохладной и гладкой, как у младенца, не то что натруженные руки Стеллы. Сильный порыв ветра донес до Стеллы аромат ее духов и швырнул ей под ноги горсть осенних листьев. Аманда не только злоупотребляла духами, но и курила сигареты с ментолом. Стелла сразу же невзлюбила ее.

– Мне так жаль, что мы опоздали, – сказала Аманда. – Один из наших гостей проснулся больным, и... – Она оглянулась, чтобы проверить, как портье помогает пассажирам выносить на причал сумки и чемоданы. – Сначала я думала, что это обычное похмелье, – быстро продолжала она, как будто желая завершить объяснение, прежде чем подойдут остальные. – Бар открыт допоздна, и всегда случается, что один или два клиента забывают о мере. Я полагала, что он придет в форму после горячего душа и чашки кофе, поэтому мы ждали, но ему действительно очень плохо. Он утверждает, что никак не может улететь сегодня, так что боюсь, у вас будет одним пассажиром меньше. – Она попыталась изобразить улыбку, но у нее ничего не вышло.

Стелла достала список пассажиров.

– Кого мы вычеркиваем? – спросила она.

– Дэна Уитлока, – ответила Аманда. – У меня есть прокатный автомобиль. Когда мы вернемся, я отвезу его в город и по пути высажу у врача. Челночный автобус останется здесь для обратной поездки, когда вы доставите гостей сюда.

Стелла просмотрела список и нашла имя Дэна Уитлока. Между тем подошел портье, несущий два чемодана.

– Где нужно разместить багаж, мэм?

Она указала на заднюю часть самолета, где багажная дверь была откинута вверх.

– Можно приступить? – поинтересовался он.

– Пока нет. Просто сложите вещи перед багажной дверью.

Она хотела сверить каждое багажное место со списком пассажиров. Судя по ее опыту, пассажиры не воспринимали всерьез ограничения веса, принятые в малой авиации, и часто пытались тайком протащить на борт лишний багаж. Неправильно распределенный груз мог привести к катастрофе, особенно во время взлета или посадки, когда вес груза радикально влиял на технические показатели самолета. Она вычеркнула из списка имя Дэна Уитлока.

– Вы взвешивали багаж? – обратилась она к Аманде.

– Да, вчера в аэропорту и сегодня рано утром. Все как полагается, – Аманда выглядела все более нервной. – Я дала понять, что все необходимое будет предоставлено за счет курорта, от экологических туалетов до элитного алкоголя и

продуктов.

Пока она говорила, пассажиры собрались вокруг.

Все были представлены друг другу, и Стелла проверила каждого пассажира по списку. Берт Кундера из транспортной компании. Моника Макнил, менеджер по доставке продуктов. Натан Макнил, ее муж и партнер в этом туре. Дебора Стронг – менеджер по гостиничному бизнесу. Кэти Колбурн – журналистка и бывшая звезда теленовостей. И Джекки Блант, специалист по вопросам безопасности. Джекки ненадолго удержала взгляд Стеллы, и та увидела вопрос в ее близко посаженных глазах. Это вызвало у нее легкую дрожь, и чуть заметное беспокойство шевельнулось в глубине ее существа.

– Мы знакомы? – спросила Стелла.

Джекки прищурилась.

– Нет, не думаю.

Но тон ее голоса наводил на мысль, что Джекки может думать иначе. Пока они разговаривали, Кэти обвела группу своей компактной видеокамерой, что заставило Джекки слегка отступить назад и улыбнуться.

– Прямо картинка на коробке швейцарского шоколада, – сказала Кэти, медленно поворачиваясь, чтобы запечатлеть амфитеатр заснеженных горных вершин.

– Никакого сравнения со швейцарским шоколадом, – возразила Моника хрипловатым голосом певицы из кабаре. – Это настоящий рай на заднем дворе.

– Правда? А что я говорила? – Аманда продемонстрировала белозубую улыбку, призванную держать клиентов в приятном расположении духа.

Стелла сказала портье, что можно начинать погрузку багажа.

– Что это за самолет? – поинтересовалась Кэти, продолжавшая съемку.

– «Хэвиленд» Beaver Mk1, – сказала Стелла, понимая, что обращается к потенциальным зрителям видеоканала Кэти Колбурн. – Культовый канадский гидросамолет, спроектированный после Второй мировой войны. Первый «Хэвиленд» сошел с производственной линии в Торонто еще в конце 1940-х годов. На севере его называли «воздушной упряжкой».

Пока она говорила, Кэти делала панорамную съемку сине-желтого гидроплана.

– Слушайте все! – Стелла повысила голос. – Правило номер один: не переступайте красную линию на причале, – она указала где. – Поскольку время поджимает, я начну прогревать мотор, а потом проведу короткий инструктаж по технике безопасности. Но вам нужно твердо соблюдать первое правило. Встреча с пропеллером сильно изменит вашу жизнь... или завершит ее.

Люди обменялись взглядами, и общее настроение немного изменилось. Стелла была рада продемонстрировать свой авторитет и дать им понять, что на борту самолета ее слово

будет решающим. Она направилась к двери кокпита.

– Минутку, – окликнула Аманда. – Мы ждем еще одного гостя.

Стелла остановилась и провела быстрый подсчет по головам.

– У нас шесть пассажиров.

– Да, но мы еще ожидаем прибытия доктора Стивена Бодена. С ним пассажиров будет семь. – Аманда посмотрела на свои дорогие часы. – Он позвонил из Сквомиша примерно двадцать минут назад и теперь может появиться в любую секунду.

Стелла смерила Аманду долгим взглядом и вернулась к своему списку.

– Здесь нет никакого Стивена Бодена.

– Должен быть, – Аманда подошла ближе и посмотрела.

– Я не вижу Бодена, – сказала Стелла.

– Он пластический хирург из хирургической клиники Оук-Стрит. Он играет ключевую роль в нашей поездке.

Стелла отвела женщину в сторону и понизила голос:

– Послушайте, у меня в списке было семь пассажиров, включая Дэна Уитлока. Конструкция моего самолета обеспечивает перевозку только восьми человек, включая пилота. Ваш босс был поставлен в известность об этом, когда вы заключали контракт со мной. Я все четко объяснила. Тогда как мог появиться дополнительный пассажир, если ваше начальство не могло знать о том, что Дэн Уитлок заболел и отка-

жется от полета? Если бы этого не произошло, мы не смогли бы разместить столько пассажиров.

Аманда побледнела и нахмурилась.

– Я *послала* вам список, – тихо, настойчиво сказала она. – Я уверена, что имя доктора Бодена было в этом списке. Минутку... – она пролистала страницы, прикрепленные к ее планшету. – Вот мой список.

Их списки не совпадали.

Периферийным зрением Стелла видела, что Джекки Блант пристально наблюдает за ними и явно старается подслушать их разговор. Аманда покосилась в сторону Джекки и шагнула в сторону, перекрывая обзор. Она привлекла Стеллу ближе к себе. Флаг, установленный на площадке рядом с микроавтобусом, хлопал на ветру, и оттяжка начала лязгать по флагштоку. Конус ветроуказателя больше не трепетал и жестко указывал в одну сторону. Стелла изнывала от нетерпения. Она посмотрела на гряде облаков, надвигавшуюся с севера и подступавшую все ближе.

– Должно быть, вышло какое-то недоразумение, – прошептала Аманда. – Послушайте, мне правда очень жаль. Это мой первый пиар-контракт с концерном через агентство по временному трудоустройству. Я... я немного нервничаю. Мне нужно все сделать правильно, понимаете? Для меня это будет грандиозный контракт, если они захотят продлить его.

Она сглотнула. Порывы ветра разметали несколько прядей безупречного узла ее волос, укрепленного фиксирую-

щим спреем.

Стелла немного смягчилась.

– Тогда нам повезло, что Дэн Уитлок заболел, – сказала она. – Мы можем внести изменения. Но если доктор Боден не приедет в течение пяти минут, пока я буду проводить инструктаж, то он не полетит. Понимаете? Это мой чартер. Мой самолет, мои правила. Безопасность прежде всего. Как и вы, я хочу получить долгосрочный контракт, и насколько я понимаю, это испытание на профессионализм для меня и для вас. Как на кинопробах.

– Да. Конечно, все верно. Я сейчас позвоню ему, – голос Аманды нервно подрагивал, когда она сунула руку в карман куртки. Было ясно, что ей очень хочется сохранить контракт с RAKAM.

Стелла вернулась на кокпит. Пронизывающий взгляд темных глаз Джекки следовал за ней, подкрепляя ощущение, что эта женщина почему-то знает ее.

Стелла повернула ручку предстартовой заливки топлива и устроилась в кресле пилота. Перед лопастями пропеллера озеро сужалось в виде буквы V между горами. Она проверила колпачок масленки: заперто. Уровень топлива, показатели ручного насоса – все выглядело нормально.

Она подкачала давление в топливопроводе и повернула рубильник в рабочее положение. Потом аккуратно подвигала вверх-вниз рычагом на приборной доске и включила зажигание. Двигатель издал хнычущий звук, как автомобиль,

который не хочет заводиться. Она включила индукторы, и мотор «Хэвиленда» закашлял, просыпаясь. Она отрегулировала смесь, пока мотор не зарычал на более ритмичных, привычных и уютных оборотах, а лопасти пропеллера не слились в сплошной круг. Ощущение адреналина в крови тоже было приятным. Это была ее стихия, где она чувствовала себя непринужденно. Ее самолет. Предвкушение полета.

Она предпочитала подождать до шестисот оборотов в минуту, прежде чем решила, что двигатель достаточно прогрелся.

Стелла встала, но когда она собралась приступить к инструктажу, серебристый «Ягуар» с откидным верхом с ревом вылетел на береговую площадку и остановился за микроавтобусом, взвизгнув тормозами. Все головы повернулись в ту сторону.

Из «Ягуара» вышел высокий мужчина средних лет. Грива песчано-бурых волос развевалась на ветру, который стал слишком сильным, чтобы Стелла могла чувствовать себя спокойно. В ней закипало раздражение. Она снова проверила время, посмотрела на ветроуказатель. Сухие осенние листья волнами катились по причалу. Мужчина нагнулся к заднему сиденью автомобиля, подхватил рюкзак, закинул его за плечо и бодро зашагал по лестнице. Его бутсы стучали по доскам причала, шаги были длинными и уверенными, а на загорелом лице играла мальчишеская улыбка. *Питер Пэн*, подумала она. *Но с комплексом превосходства, свойствен-*

ным хирургам.

– Ох, слава богу, – пробормотала Аманда, когда хирург приблизился к ней.

– Аманда? – громко спросил он. – Ну, кто же еще это может быть?

Аманда обменялась с ним горячим рукопожатием.

– Так *хорошо* встретиться с вами лично, Стивен, – в ее голосе звучало нескрываемое облегчение. Но краешком глаза Стелла заметила, что Моника Макнил заметно насторожилась при появлении хирурга.

Заинтригованная, Стелла повернулась к ней. Моника побледнела. Она посмотрела на своего мужа, который раскрыл рот, как будто собирался что-то сказать. Но тут же закрыл и яростно взглянул на Моника. Кэти снимала происходящее, а Джекки и Берт возились со своими мобильными телефонами. Дебора, казалось, отпрянула от яркого света, излучаемого блистательным присутствием доктора Стивена Бодена. Мотор самолета продолжал работать. Стелле хотелось поскорее улететь отсюда.

– Слушайте все! – Аманда повысила голос. – Это последний член нашей замечательной группы, доктор Стивен Боден, возглавляющий хирургическую клинику Оук-Стрит, который хочет распространить услуги косметической хирургии на нашем курорте.

– Стелла Дагер, – она протянула руку за его рюкзаком. – Я ваш капитан на этом воздушном судне.

Их взгляды встретились. Стелла ощутила моментальный вызов, брошенный альфа-самцом. Его улыбка немного сникла, когда он передал ей свой новенький рюкзак.

Когда она загружала рюкзак, то услышала голос доктора Бодена:

– Моника? Боже мой, какой сюрприз! Прошла... целая вечность.

– Семь лет, – ровным тоном сказала Моника. – Это мой муж, Натан.

– Мы встречались, – оживленно сказал Натан, пожимая руку Стивену. – На том мероприятии по сбору средств, не так ли? Ваша клиника проводила его для фонда помощи детям. Там еще был министр здравоохранения.

– Полагаю, так оно и было, – он быстро взглянул на Моника. – Не могу припомнить это мероприятие. Впрочем, прошло столько лет... – Стивен засунул руки в карманы и покачался с пятки на носок. – Так что привело вас на эту чудесную вечеринку? Еда?

– Потенциальный контракт на кейтеринг, – быстро ответил Натан. Моника кашлянула и отвела взгляд.

– И мы до сих пор не знаем, куда направляемся? – Стивен повернулся к Стелле, закрывавшей багажную дверь. – Стелла? – он повысил голос, перекрывая звук работающего мотора. – Вы можете сказать, куда вы нас доставите... Где это секретное место?

О, блистательный гладиатор, спаситель группы, возглавь

нас! Постучи кулаками в грудь перед мистером Макнилом и его женой!

Она отряхнула руки.

– Это остается сюрпризом по требованию моего работодателя, – она тоже повысила голос. – Ладно, слушайте все!

Лица повернулись к ней.

– В салоне работает климат-контроль для обеспечения комфортной обстановки. Каждое кресло оснащено ремнями безопасности. – Она показала, как нужно пристегиваться. – Возле каждого кресла есть шумоподавляющие наушники, с помощью которых вы можете слушать музыку, а также поддерживать связь со мной.

Она перечислила еще несколько пунктов.

– В маловероятном случае, если самолет погрузится в воду, самой большой проблемой будет подводная ориентировка и поиски выхода в перевернутом состоянии. Поэтому, когда вы будете занимать места, уделите время, чтобы рассчитать направление выхода, взяв точку отсчета от вашего правого колена. Если выход находится справа, когда вы находитесь в вертикальном положении, он останется справа, даже если самолет перевернется.

Она дала еще несколько наставлений о поведении под водой.

– Помните о том, что перед выходом под водой необходимо сделать глубокий вдох. Откройте глаза. Сориентируйтесь по отношению к аварийному выходу. Твердо запомните

контрольный ориентир – вы не сможете сделать это под водой, с закрытыми глазами. Если вы сидите рядом с выходом, подождите, пока вода не заполнит кабину на три четверти, прежде чем открывать дверь. Только тогда можно отстегнуть ремни безопасности. Хватайтесь руками за переборки и подтаскивайте себя к выходу, пока не окажетесь за пределами фюзеляжа. Только после этого можно надуть спасательный жилет.

Она показала, где находятся спасательные жилеты и как пользоваться ими. Лица пассажиров стали озабоченными, если не встревоженными. Вот и хорошо: пусть они серьезно относятся к этому. Дебора нервно посмотрела на гидроплан и сжала кулаки. Стелла решила, что она боится полета больше, чем остальные.

Она быстро объяснила им, где находятся аварийные GPS-маячки, комплекты жизнеобеспечения, аптечки, огнетушители и другое спасательное снаряжение. Потом продемонстрировала безопасную технику посадки и высадки из самолета.

Когда они начали посадку, она добавила:

– Не курите и, пожалуйста, переведите мобильные телефоны в режим полета, – она улыбнулась. – Добро пожаловать на борт.

– Ох, подождите! – воскликнула Джеки. Она поспешила к Аманде и протянула ей свой телефон. – Вы не могли бы сфотографировать нас перед гидропланом?

Туристы собрались перед желто-голубым самолетом.

– Улыбаемся! – крикнула Аманда. Она сделала несколько снимков. – Дебора, подвиньтесь поближе, – она махнула рукой. – А теперь скажите «сы-ыр»!

Все улыбнулись.

Аманда протянула телефон Джекки, которая пробежала пальцами по экрану, открывая приложения.

– Пост в Инстаграме? – поинтересовался Стивен. – С хэштегом «волшебное путешествие в дикий лес»?

Она посмотрела на него без улыбки.

– Нет, в Фейсбуке. И да, что-то в этом роде. Пока мы не потеряли сигнал мобильной связи.

После того как все расселись по местам, двери закрылись, а причальные фалы были втянуты, Стелла пристегнулась в кресле пилота и направила гидроплан в озеро.

Когда они покинули укромную бухту, ветер задул в полную силу, и гидроплан закачался на мелкой зыби. Стелла открыла дроссельную заслонку, снова подумав о списке пассажиров и о пропавшем Дэне Уитлоке.

Когда ее «птичка» поднялась в воздух и ощутила первые удары бокового ветра, было 11.45 утра. По радио она сообщила о вылете диспетчерской службе «Вест Эйр».

Гости в лесном доме

Аманда

Аманда Ганн поспешно вышла из лифта отеля «Тандерберд» на четвертом этаже. Срочный вызов от управляющего поступил сразу же после того, как она собрала туристическую группу для отправки на причал. Она пробежала по коридору, свернула за угол и остановилась как вкопанная перед высокой фигурой управляющего отелем. Он положил руку ей на плечо, и его глаза влажно блеснули. Его щеки покраснелись, и от него разило потом.

– Он... ушел, Аманда. Мне очень жаль, но он умер.

Кровь резко отхлынула от ее лица. Ее мир завертелся. Она прислонилась к стене, чтобы не упасть, и недоверчиво посмотрела на управляющего, который остановил ее, прежде чем она успела войти в номер Дэна Уитлока. Она видела распахнутую дверь у него за спиной.

– Что? – пробормотала она.

– Дэн Уитлок скончался. Медработники сделали все возможное, но он был фактически при смерти еще до их прихода.

– Как? Что... я хочу сказать, что с ним случилось?

Она была убеждена в том, что один из ее подопечных страдает от жестокого похмелья, и была довольно раздражена по

этому поводу. Тревога снедала ее, когда она попыталась заглянуть в открытую дверь номера Дэна.

Это ужасная ошибка. Все это лишь ужасная ошибка, иначе не может быть.

Оттуда, где она стояла, Аманда могла видеть двух врачей «Скорой помощи», склонившихся над неподвижным телом на кровати. Ее охватила паника. Аманда оттолкнула менеджера и вошла в комнату. Врачи все еще работали над Дэном, пытались реанимировать его. Его кожа была голубоватого оттенка, как от нехватки кислорода. Ее сердце затрепетало где-то ближе к горлу.

– Что произошло? – снова спросила она, когда менеджер подошел к ней сзади. Она развернулась и пронзила его взглядом. – Он был вполне нормальным, когда я оставила его здесь! Просто напился до тошноты. Я... я только спустилась к гидроплану, чтобы присмотреть за остальными... как это могло случиться так быстро?

– Не знаю, – ответил управляющий, который сам был пепельно-бледным, не считая красных пятен на скулах. – Он позвонил на стойку регистрации около сорока минут назад. Дежурный сказал, что на другом конце линии ему никто не ответил; было только странное дыхание в трубке. Тогда послали коридорного проверить, все ли в порядке. На стук никто не ответил, но он слышал за дверью хрип, кашель и звук удара. Он воспользовался картой, чтобы войти в номер, – менеджер сделал паузу и посмотрел на грузного мужчину,

лежавшего на полу. – Наш клиент, то есть Дэн Уитлок, хватался руками за горло, давился и задыхался. Наш сотрудник сразу же позвонил 911 вон с того телефона рядом с кроватью, – он указал на телефон. – Потом он попробовал сделать искусственное дыхание, но тот уже посинел. Врачи «Скорой помощи»... они приехали совсем недавно, но не смогли ничего сделать.

– Но... у него было всего лишь похмелье и головная боль, – она с силой провела ладонью по лбу.

Розыгрыш. Вот что это такое.

Эта нелепая мысль застряла в мозгу Аманды. Реакция отрицания. Все что угодно, только не это.

Это испытание, как и говорила женщина-пилот. Часть рабочего интервью. Они хотят посмотреть, как я могу справиться со стрессовой ситуацией, имея дело с особыми клиентами, которые высоко ценят свою конфиденциальность. Посмотреть, способна ли я сделать все тихо и прилично, найти изящный выход из положения, если у них случится передозировка наркотиков или что-нибудь в этом роде.

Она медленно направилась к распростертому на полу телу Дэна Уитлока, собираясь удостовериться в том, что он действительно мертв, а не решил сыграть с ней злую шутку. Но один из медиков удержал ее за руку.

– Отпустите меня! – отрезала она и рывком высвободила руку.

– Мадам, нам нужно, чтобы вы отступили в сторону. По-

жалуйста.

Ее глаза защищало от подступивших слез.

– Вы... вы можете объяснить мне, что произошло? – тихо спросила она.

– Похоже на анафилактический шок.

Она уставилась на него.

– То есть вроде аллергической реакции?

– Мы нашли одноразовый шприц рядом с его рукой.

– У него страшная аллергия на морепродукты; он даже рассказывал об этом вчера вечером, – прошептала Аманда. – Это было в анкете, которые все они должны были заполнить перед отъездом. Я проявила осторожность, – она повернулась к управляющему отелем. – Вы, конечно же, сказали поварам, что он аллергик?

– Разумеется. Это было учтено в меню шведского стола и среди обслуживающего персонала. Морепродукты хранились отдельно от всех остальных блюд.

Она посмотрела на тарелку с наполовину съеденным омлетом на столе под окном.

– Он получал обслуживание в номере. Утром он заказал завтрак; сотрудники утренней смены знали о...

– Мэм, – обратился к ней врач «Скорой помощи». – Вам нужно выйти из комнаты. Судебный следователь уже в пути. Здесь все должно оставаться так, как есть.

– Следователь?

– Таковы правила в случае внезапной смерти.

– Здесь будет расследование? Оповестят его родственников?

– Когда мы узнаем, кто они такие, и вообще есть ли у него родственники. В подобных случаях всегда проводится расследование.

У Аманды подгибались колени. Она не могла согнуться. Абсурдно, но она подумала, как это отразится на ее профессиональных рекомендациях. Захочет ли корпорация РАКАМ в дальнейшем когда-либо воспользоваться ее услугами? А если это *она* виновата, что в его меню попали морепродукты? Или даже в том, что он имел малейший контакт с аллергенами?

Менеджер взял ее за руку, но она отмахнулась.

– Мне нужно позвонить начальству.

Аманда вышла из комнаты и прошла немного дальше по коридору. Она остановилась и набрала контактный номер для связи с РАКАМ.

После нескольких гудков телефон переключился на голосовое сообщение:

– Этот номер больше не обслуживается.

Она нахмурилась и проверила вызов. Может быть, неправильно набранный номер? Она попробовала еще раз.

После четырех гудков пришло такое же сообщение: «Этот номер больше не обслуживается».

Ошеломленная, она медленно опустила телефон. Голос Стеллы Дагер эхом отдавался у нее в голове:

– Тогда нам повезло, что Дэн Уитлок заболел... Конструкция моего самолета обеспечивает перевозку только восьми человек, включая пилота. Ваш босс был поставлен в известность об этом, когда вы заключали контракт со мной. Я все четко объяснила. Тогда как мог появиться дополнительный пассажир, если ваше начальство не могло знать о том, что Дэн Уитлок заболел и откажется от полета?

Аманда попробовала еще раз.

– Этот номер больше не обслуживается.

Гости в лесном доме Дебора

Дебора Стронг смотрела в иллюминатор. За желтой ко-
нечностью крыла мерцающие озера перемежались с зубча-
тыми горными вершинами и искристыми каскадами ручьев
и рек. Девственно-белый снег лежал на самых высоких пи-
ках. Наиболее крутые склоны были испещрены бурыми шра-
мами от сошедших лавин. Темно-зеленые леса казались бес-
конечными, и нигде не было видно признаков человеческой
жизни. Великолепное зрелище. Холодное. Чуждое и враж-
дебное.

Самолет резко накренился. У Деборы засосало под ложеч-
кой, и она отвернулась, ощущая легкую тошноту. Недавний
завтрак подкатил к горлу, и она пожалела о том, что съела
лишний рогалик.

Дебора сидела в задней части самолета, перед брезенто-
вой занавеской, отделявшей пассажиров от багажа. Сбоку от
нее, возле противоположного иллюминатора, сидела Джекки
Блант – женщина с действительно зловещей аурой. Деборе
она казалась пугающей. Время от времени она замечала, что
Джекки наблюдает за ней.

Перед Деборой сидела Кэти Колбурн, снимавшая виды
за окном. Справа от нее расположился Берт Кундера. Дебо-

ре нравилась его внешность: он был симпатичным, с оттенком дерзкой самоуверенности, которая могла бы показаться отталкивающей у другого мужчины. Такова лотерея жизни. Берту выпал счастливый билет, и от него исходила позитивная энергия. Он выглядел умелым и достаточно опытным, а его улыбка была настолько приятной, что Дебора обратила внимание на его безымянный палец. Он носил обручальное кольцо. Ну да, разумеется. Дебора не то чтобы находилась в активном поиске; просто, судя по ее опыту, все привлекательные мужчины были «пристроены», как и многие не слишком привлекательные. О последней категории она знала слишком много.

Супруги старшего возраста, Натан и Моника Макнил, сидели прямо за пилотским креслом Стеллы Дагер.

Стелла казалась олицетворением уверенности и авторитетности. Определенно такие качества Деборе хотелось бы видеть у пилота, поднимающего в небо тяжеловесную желто-голубую махину и держащего в руках жизнь пассажиров. Ее поразило, что гидроплан вообще смог подняться в воздух, но теперь, высоко над землей, у нее возникало ощущение покоя, особенно в качественных наушниках, отсекавших глухой рев работающего мотора и лязгающую вибрацию металлических частей самолета. В Стелле было нечто притягательное. Ее нельзя было назвать миловидной – скорее, суровой и закаленной. Вероятно, дело было в ее спокойных серых глазах, очень коротко стриженных волосах необычного

серебристого оттенка и в спортивном, мускулистом телосложении. Вероятно, ее уравновешенность и манеры сильной и уверенной в себе женщины тоже вносили свой вклад. Дебора восхищалась этим.

Стелла была женщиной, какую она хотела бы видеть в числе своих подруг. Но вместе с тем Дебора чувствовала, что Стелла вряд ли снизойдет до нее и будет воспринимать ее как равную себе, даже если проявить инициативу для основы дружеских отношений.

Пластический хирург Стивен Боден занимал место второго пилота рядом со Стеллой. Он направился туда кратчайшим путем, не позаботившись даже сделать вид, что может уступить кому-то еще.

Телефон Деборы завибрировал у нее в руках. Она посмотрела на экран. Как только они перешли в режим стабильного полета, она опубликовала в своей соцсети одну из фотографий, которые сделала на причале у гидроплана. Под ее постом уже появилось три маленьких сердечка, и она улыбнулась.

– Мне казалось, что нас попросили выключить телефоны во время полета.

Дебора резко вскинула голову, когда женский голос прозвучал в ее наушниках.

Джекки Блант.

Женщина смотрела на нее, и выражение ее обветренного лица было странным. По шее Деборы пробежали мурашки.

– Значит, здесь все еще ловит мобильная связь? – снова зазвучал в ее наушниках голос Джекки. Ощущение казалось слишком интимным, как будто женщина говорила в голове у Деборы. Она кивнула и ощутила, как к ее щекам приливает краска. Она была сконфужена и одновременно рассержена тем, что Джекки обратилась к ней через систему внутренней связи, где все на борту могли слышать их.

– Я забыла, – тихо ответила Дебора и выключила свой телефон.

Джекки не сводила с нее взгляда. Дебора вдруг осознала, что Джекки Блант смотрит не на телефон, а на маленькую татуировку в виде ласточки на внутренней стороне ее запястья. Она быстро повернула руку и отвела взгляд. Ее сердце громко стучало в груди. Ей казалось, будто эта женщина из службы безопасности видит ее насквозь, точно знает, кто она такая и где она была. Что она совершила. Она вспомнила слова своего психотерапевта:

«Вам не нужно оценивать себя по меркам вашего темного прошлого. Как и все остальные, вы заслуживаете нормальной жизни. Вы искупили свою вину. Вы имеете право чувствовать себя достойным человеком».

Дебора еще раз осмыслила эти слова. У нее не было причин бояться Джекки Блант. У нее не было никаких оснований считать себя незначительной по отношению к Стелле Дагер или к кому-либо еще. В этой увеселительной корпоративной поездке она имела такое же положение и обладала

такими же правами, как и все остальные. Она рассчитывала на долгосрочный контракт по оказанию клининговых и хозяйственных услуг высшего качества, и ей пришлось вкалывать до изнеможения, чтобы достигнуть такого статуса. Гораздо больше, чем многим другим, потому что она начинала с самых низов. И она обнаружила, что хорошо разбирается в гостиничном бизнесе, умеет руководить персоналом и находить эффективных сотрудников. И благодаря этому она познакомилась с замечательным мужчиной, с которым собиралась провести остаток своей жизни. У нее был секрет: она вынашивала его ребенка. Когда он вернется домой, она расскажет ему об этом и они поженятся.

– Вы кого-то мне напоминаете, – тихо сказала Джекки ей на ухо.

Дебора вздрогнула, потом медленно и нехотя повернулась к Джекки. Та щурила темные глаза, пристально глядя на нее.

– Кат... Катарина. Кажется, так ее звали.

Сердце Деборы замерло в груди. У нее пересохло во рту. *Моргай. Дыши. Нужно выглядеть как обычно.* Она пренебрежительно пожала плечами.

– Вы когда-нибудь носили это имя? – спросила Джекки.

Дыши.

– Нет.

Но женщина продолжала разглядывать ее. Она снова обратила внимание на татуировку на запястье Деборы.

Черт побери. Нужно было убрать татуировку. Я знала, что

это нужно сделать! Но как это могло произойти? Откуда она знает о Катарине?

Самолет снова лег на одно крыло, внезапно открыв вид на городок далеко внизу – множество разноцветных домиков, растянувшихся вдоль берега озера, уходящего к горизонту. Голос Стеллы зазвучал в наушниках: она диктовала координаты GPS своему диспетчеру. Дебора услышала, что они пролетают над поселком Клуэйн-Бэй.

Я Дебора. Меня зовут Дебора Стронг. Я сильная. Я невеста и будущая мать. Я никогда не слышала о Катарине. У меня успешный бизнес. Я не знаю никакой Катарины...

– Вы не возражаете, если я поснимаю вас? – спросила Кэти Холбурн, повернувшись к ней.

Сердце Деборы забилося еще быстрее, щеки покраснелись.

– Конечно нет, – сказала она так спокойно, как только могла. Все они дали письменное согласие на фотографирование и видеосъемку. Они также согласились с тем, что любые видеоролики и фотографии могут быть использованы в рекламных целях для продвижения курорта.

– Можно задать несколько вопросов? – поинтересовалась Кэти, нагнувшись над сиденьем и сфокусировав камеру на лице Деборы. Прядь льняных волос упала ей на щеку. Она была похожа на ведущую телешоу: хорошенькая и заинтригованная.

– Разумеется, – Дебора покрутила обручальное кольцо на

пальце.

– Вы глубоко задумались, когда смотрели в иллюминатор несколько минут назад. О чем вы думали?

Я Дебора. Меня зовут Дебора Стронг. Я сильная женщина...

– Так красиво, – она улыбнулась. – Я думала о том, какая поразительная красота ожидает нас там, внизу. Прямо как написано на автомобильных знаках этой провинции: «Прекрасная Британская Колумбия».

– Вы Дебора Стронг, – уточнила Кэти для своих будущих зрителей или же для собственной записи. – У вас есть собственный бизнес?

– Да, гостиничный бизнес или ведение домашнего хозяйства. Мы оказываем эксклюзивные услуги для небольших учреждений элитного класса.

Она посмотрела на остальных пассажиров в наушниках, которые должны были слышать ее слова по внутренней связи. Но они не проявляли никакого интереса.

– Вы родились и выросли в Британской Колумбии?

– Прошу прощения?

– Вы родились в Британской Колумбии?

В голове у Деборы прозвучал сигнал тревоги. Она почувствовала острый укол страха.

Нет, нет, все в порядке. Деборе Стронг нечего скрывать. Можно держаться близко к истине...

– Нет, я родилась в провинции Альберта, недалеко от Эд-

монта. Я переехала в Британскую Колумбию, когда была... гораздо моложе, чем сейчас.

Кэти сделала паузу, ожидая продолжения. Дебора не стала продолжать. Она чувствовала, что Джекки слушает ее и наблюдает за ней.

– Вам было бы приятно время от времени отдыхать на природе, в уединенном месте?

На короткий феерический момент Деборе показалось, что Кэти Колбурн уже работает на корпорацию РАКАМ и что ее записи и вопросы являются составной частью огромного собеседования, по результатам которого она будет показывать отснятые материалы своему начальству.

– Если получится, – осторожно сказала Дебора. – Время от времени.

– У вас есть дети?

Она нервно кашлянула.

– Нет... пока нет.

– Но у вас есть жених? – Кэти улыбнулась, опустила камеру и выключила аппарат. Ее взгляд был добрым. – Я видела кольцо.

Мысль об Эване принесла ей облегчение, как и осознание, что интервью Кэти, больше похожее на допрос, подошло к концу.

– Он военный, служит в ВВС на авиабазе Комокс, – сказала она. Она гордилась Эваном. Ей *нравилось* говорить о нем. – Ему часто приходится выполнять разные миссии, по-

этому мой бизнес-контракт будет устраивать нас обоих. А как насчет вас? – спросила Дебора, чтобы отвлечь внимание от себя. – У вас есть дети?

Кэти просияла. За ее блестящей внешностью популярной телеведущей проступило что-то очень понятное и человеческое. Ее улыбка была обезоруживающе искренней, и Дебора сразу прониклась к ней симпатией.

– Дочка, – с гордостью сказала Кэти. – Ей совсем недавно исполнилось шесть лет.

– Как ее зовут?

– Габби, – Кэти нашла фотографию у себя в телефоне и развернула экран перед Деборой.

– Чудесная девочка, – Дебора взяла телефон, чтобы рассмотреть получше. – И очень похожа на вас.

– Скорее, на своего отца.

Перед внутренним взором Деборы промелькнуло воспоминание о ее собственном отце. О том, как он гнался за ней по зеленой летней лужайке, усеянной полевыми цветами.

«Ах ты, гадкая девчонка! Катарина, немедленно иди ко мне! Ты маленькая тварь!»

Дебора помотала головой и протянула телефон обратно.

– За эти десять дней она успеет по вам соскучиться.

– Ну, один день долой, осталось еще девять, – Кэти снова улыбнулась. – И скорее, это я буду скучать по ней, – она отбросила светлую прядь волос, упавшую на ярко-голубые глаза. – Я много разъезжала по работе, но перестала этим за-

ниматься после того, как родилась Габби. Поэтому я ушла из новостей кабельного телевидения в дорожную теледокументалистику. Лучшая смена работы в моей карьере. Сама себе режиссер, гораздо более гибкий график работы, и теперь я могу проводить больше времени с дочерью.

Дебора уже слышала все это за завтраком.

– Значит, сейчас Габби живет с вашим мужем?

– С ее отцом. Мы развелись спустя год после ее рождения.

– Ох, – Дебора ощутила щемящий холодок внутри, и ее представление о счастливой матери немного померкло. Ее угнетала мысль о том, что все радости и волнения влюбленности, вся душевная работа, вложенная в совместную жизнь и решение завести ребенка, пришли к такому бесславному завершению. Она инстинктивно прикоснулась к животу, где созревала ее собственная тайна.

– Мы приближаемся к месту назначения, – раздался голос Стеллы Дагер в ее наушниках. – Если смотреть пристально, вы увидите его между деревьями в конце озера.

Все оживились. Пассажиры подались вперед, глядя в иллюминаторы, когда Стелла направила гидроплан по длинному изгибу кривой, чтобы все могли хорошо видеть. Внизу сверкало узкое зеркало водной поверхности, вдаваясь в долину между двумя горными хребтами с крутыми склонами по обе стороны. Густой лес с бурыми проплешинами снежных лавин подступал к самой воде. Озеро казалось глубоким и очень темным – синий цвет выглядел почти черным на фо-

не золотистых солнечных зайчиков.

Нигде не было ни дорог, ни даже тропы вокруг озера. Дебору снова изумило полное отсутствие следов человеческой деятельности. Гидроплан пошел на снижение, направляясь к дальнему берегу озера.

– Лесной дом находится в дальнем северном конце, – Стелла указала вперед.

– Теперь вы можете раскрыть название озера? – прозвучал в наушниках голос Стивена Бодена.

– Это озеро Таксис, – сказала Стелла, – хотя его длина составляет двадцать миль, или более тридцати двух километров, максимальная ширина не превышает двух километров. У юго-западного берега из него вытекает река Таксис, которая затем впадает в озеро Клуэйн.

– Значит, тот городок, над которым мы пролетели, называется Клуэйн-Бэй? – спросил Натан.

– Верно, – ответила Стелла. – Он очень маленький, но становится более оживленным в летний сезон.

Она опустила носовую часть «Хэвиленда», и гидроплан резко сбросил высоту. К горлу Деборы подступила тошнота. Она крепко обхватила живот, сдерживая приступ воздушной болезни, пока воды озера Таксис приближались, готовясь принять желто-голубую птицу. Краем глаза она заметила гряду темных облаков, наползавшую с севера. Боковые воздушные потоки начали трясти и раскачивать самолет со все возрастающей силой. Дебора затаила дыхание. Пассажи-

ры обменивались тревожными взглядами.

Пока Стелла старалась выровнять гидроплан, в салоне воцарилось зловещее молчание. Машина снова легла на одно крыло и возобновила спуск по длинной, неторопливой спирали.

Горы и леса развернулись вокруг и поднялись навстречу. Дебора была охвачена благоговейным страхом. Она стучала зубами. Ветер снова встряхнул самолет, и металлические переборки загудели.

– Не знаю, как остальные, а я жду не дождусь коктейлей, обещанных в брошюре, которую нам разослали по электронной почте, – громко заявил Берт Кундера по общей связи, и напряжение немного уменьшилось. Кто-то натужно рассмеялся.

Дебора увидела белые гребни волн на отрезке озера, не защищенном от поперечных ветров. Внизу, у подножия черной гранитной горы, похожей на надгробие, появился темный силуэт здания, полускрытый густо растущими деревьями. Дебора услышала, как Стелла снова называет диспетчеру координаты GPS и докладывает о заходе на посадку. Она также сообщила о сильном боковом ветре и о надвигающемся шторме.

По мере приближения к пункту назначения здание приобретало все более отчетливый вид, и Деборой овладело недоброе предчувствие. Все выглядело не так, как она представляла. Ничего похожего на картинки из брошюры или фото-

графии на сайте лесного курорта.

– Оно... оно выглядит иначе, – пробормотала Моника, огласив всеобщее мнение.

– Это не курортный коттедж, – сказал Стивен и повернулся к Стелле: – Это другое место, да?

Стелла промолчала; она сосредоточилась на приборной панели «Хэвиленда», сражаясь с боковым ветром.

Сердце Деборы бешено стучало в груди. Она закрыла глаза, когда вода ринулась навстречу трясущемуся гидроплану, и вознесла безмолвную молитву всем богам, которые могли ее услышать.

Гидроплан коснулся воды, резко шлепнул поплавками и несколько раз подскочил на водной поверхности. Звук двигателя изменился. Да, они сделали это, им удалось совершить посадку. Стелла медленно повела машину к причалу, торчавшему из воды среди камыша и ряски.

У тропы, поднимавшейся от причала, между домом и водой стоял громадный тотемный столб с вороном наверху. У резного ворона был длинный клюв с множеством деревянных зубов и мощные раскинутые крылья. Эта карикатурная птица восседала на голове стилизованного медведя с человеческими зубами и агрессивно высунутым языком. Другой тотемный столб чуть меньшего размера стоял недалеко от первого. Оба были покрыты облезшей краской; дерево посерело от времени и непогоды. Они стояли как древние стражи, предупреждавшие чужаков, которые могли осмелиться

на высадку. *Здесь вам не место.* Слова как будто возникли из ниоткуда и шепотом прозвучали в голове у Деборы. *Здесь вам не место.*

Вокруг было тихо.

Стелла выглядела напряженной. Она подалась вперед, изучая окрестности, пока гидроплан приближался к причалу.

Появился фасад дома. Заморосил дождь. Небо вдруг потемнело. Они вошли в тень облаков, надвигавшихся из-за гранитной горы. Ветер усилился.

Двухэтажный дом был сложен из бревен, настолько потемневших от времени, что при таком освещении здание казалось серебристо-черным. Ряды окон наблюдали за ними сверху, темно-зеленые ставни напоминали распахнутые веки. Над парадной дверью висели выбеленные рога.

Участок вокруг дома зарос колючим кустарником и покрыт мхом с пятнами лишайников.

– Это не курорт, – сказал Берт.

– Похоже на «Оверлук», – прошептала Моника.

– Что? – спросил Натан.

– Тот жуткий отель из романа Стивена Кинга.

– Нет, не похоже, – возразил Берт. – В кино дом выглядел совсем по-другому. И этот гораздо меньше.

– Так он выглядел в моем воображении, – тихо сказала Моника. – Я не видела фильма.

– Стелла, что это за место? – жестко спросил Стивен по

общей связи. Дебора видела, как он сердито уставился на пилота, выпрямив голову и расправив плечи. Бравый хирург, который умел резать людей на операционном столе, перекраивать и зашивать их обратно в лучшем виде, сейчас выглядел так, словно мог испытывать страх.

– Мне дали эти координаты, – тихо сказала Стелла. Она подвела гидроплан к причалу. Тем временем дождь усилился. Он барабанил по крыше, стучал в иллюминаторы и танцевал на воде, образуя миллионы ямок и пузырьков. Ветер завыл, когда шторм начал набирать силу.

– Свяжитесь с кем-нибудь по радио, – велела Джекки со своего места в задней части самолета.

Дебора оглянулась на нее. Женщина включила свой мобильный телефон и проверила доступность сети, но связи не было. Ее темные, непроницаемые глаза превратились в щелочки, подбородок жестко выдвинулся вперед. Кэти молча снимала виды за окном. Дебора тяжело сглотнула, когда поплавок ткнулся в замшелую опору причала. Казалось, им никто не пользовался уже долгие годы.

– Свяжитесь с кем-нибудь по радио, – повторила Джекки, повысив голос. – Выясните, что происходит. Выясните, куда мы попали.

– Я передала координаты по радио.

– Что вам сказали? – требовательно спросила Джекки.

– Это то самое место. Координаты совпадают с указанными в контракте «Вест Эйр» на перевозку вашей группы.

– Нет, так не пойдет, – сказал Стивен. – Я не подписывался... на *это*, – он махнул рукой в сторону массивного бревенчатого здания. – Вы должны забрать нас отсюда. Доставьте нас обратно, и поскорее.

Как будто по суфлерской подсказке, дождь пошел еще сильнее, а ветер поднял волны, достигавшие краев причала и раскачивавшие самолет.

– Давайте посмотрим, ладно? – предложила Стелла и включила мотор. – Как бы то ни было, я не смогу вывезти вас отсюда, пока погода не улучшится. У меня есть ПВП, или правила визуального полета. Согласно этим правилам, полет совершается в дневное время и при нормальном освещении. Пилот должен видеть, иначе мы можем врезаться в гору.

– Она права, – сказал Берт. – Давайте проверим. – Он расстегнул ремни безопасности. – Возможно, настоящий санаторий находится за деревьями или в следующей бухте. Может быть, это неудачная шутка.

Впрочем, его голос был неуверенным.

– Возможно, нас облапошили, – мрачно произнес Стивен.

– Но зачем? – удивленно спросила Моника.

Стелла открыла дверь со стороны пилотского кресла. Влажный, холодный ветер ворвался в кабину.

Один за другим они стали высаживаться из гидроплана, осторожно ступая с поплавок на скользкую зеленую слизь, покрывавшую доски причала. Дебора была последней. Стивен протянул руку, чтобы помочь ей.

Как только она перенесла вес тела на мокрую доску, ее нога заскользила так быстро, что Дебора распласталась на причале и скатилась в воду, даже не успев понять, что случилось. У нее перехватило дыхание. Она ослепла от внезапного шока и затрепыхалась в холодной воде, глотая воздух и хватаясь за стебли камыша. Чья-то рука ухватила за воротник ее куртки и вытащила ее на причал. Она села, откашливаясь и задыхаясь; ее глаза наполнились слезами, волосы прилипли к лицу.

– Вы в порядке? – Стелла склонилась над ней.

– Я... я не умею плавать. Не умею плавать. Я...

– Все в порядке, Дебора, – Стелла погладила ее руку. – Теперь вы в безопасности.

С помощью Берта она помогла Деборе встать на ноги.

Дебора дрожала как осиновый лист. Вода стекала с нее и хлюпала в ее туфлях. Она едва дышала от холода и пережитого потрясения. Когда она попыталась сделать шаг, то скривилась от боли и подогнула левую ногу.

– Кажется, я вывихнула лодыжку. Я... не могу идти.

Все потрясенно смотрели на нее. При виде их побледневших лиц Дебора испугалась еще сильнее. Дождь хлестал наискосок под сильными порывами ветра.

– Моника и Натан, помогите Деборе добраться до дома, – сказала Стелла, взявшая инициативу в свои руки. – Мне нужно пришвартовать самолет к причалу. Берт, вы не могли бы проверить, есть ли тут поблизости настоящий санато-

рий или другое здание? – Она потянулась за причальным канатом. – Джекки, я прошу вас помочь мне и поддержать эту стойку, пока я буду закреплять фал.

Джекки молча кивнула. Натан и Моника взяли Дебору под руки и осторожно повели по скользкому причалу, следя за тем, чтобы она не наступала на больную ногу. Стивен оставался на месте и гневно озирался по сторонам, словно отказываясь примириться со своей участью и обвиняя всех остальных в том, что он попал сюда. Кэти деловито снимала происходящее. Прогремел гром.

С помощью Моника и Натана Дебора наконец выбралась на берег. Когда они пошли к дому по узкой, заросшей тропинке, она слышала голоса Джекки и Стеллы, разговаривавших на повышенных тонах. Джекки снова сказала что-то о том, что нужно вызвать помощь по радио, а Стелла сердито оборвала ее и понизила голос. Дебора оглянулась через плечо.

За пеленой дождя она видела, как Стелла привлекла Джекки ближе к себе, и они о чем-то заспорили. Джекки вдруг замерла и посмотрела на самолет.

– Осторожно, тут ступенька, – предупредил Натан.

Дебора перевела внимание на дорогу перед собой, пока они хромали под дождем в сторону мрачного дома.

Поиск Келли

31 октября, суббота

– Но ты обещала! – захныкал Бенджамин на пассажирском сиденье, пока Келли вела свой внедорожник по усеянному рытвинами проселку, направляясь к реке, к командному посту своей поисково-спасательной группы, чтобы искать разбившийся самолет. Она опаздывала. Было уже больше девяти утра, но солнце еще не поднялось над горами; в это время года оно должно было появиться примерно через двадцать минут. Впрочем, восход мало что мог изменить в такой ненастный день. Облака низко стелились над горами, и снег с дождем наискось хлестал по лесу. Ее стеклоочистители вычерчивали мутные дуги на ветровом стекле. Она испытывала раздражение к новому копу, который отправил самолет в реку, где тот застрял.

– Я знаю, Бен, я все понимаю. Мне очень жаль, – она притормозила, чтобы объехать яму, заполненную глинистой жижей. – Я обязательно возмещу твою потерю, – она улыбнулась ему, хотя на душе у нее было совсем не радостно. – И мы сегодня купим особый десерт, когда отправимся ужинать к твоему папе, хорошо?

Слезы размыли темную тушь на ресницах Бена и проделали серые дорожки на мучнисто-белом гриме, покрывавшем его лицо, пока он ерзал и подпрыгивал на сиденье. Следы остались даже на кроваво-красной губной помаде, которой он нарисовал себе жуткую клоунскую улыбку вокруг рта. Он качал головой, накрытой шипастым париком психоделического зеленого цвета, в тон зеленому жилету под алой курточкой. Ее маленький восьмилетний Джокер. И она опять подвела его.

Система тылового обеспечения Келли дала сбой сегодня утром. Когда она уже готовилась к выходу, Рэйчел, которая всегда брала на себя заботу о Бенджамине, когда Келли выезжала для работы со своей группой, позвонила и сказала, что вся ее семья слегла с жестокой простудой. Келли тщетно попыталась в срочном порядке найти другого надежного человека, который смог бы отвезти Бена на давно и страстно ожидаемую вечеринку в честь Хэллоуина, но после нескольких звонков была вынуждена сунуть мальчика в свой автомобиль вместе с его айпэдом, наушниками и книжками. У нее не оставалось иного выбора.

– Там будут все мои одноклассники, кроме меня, – причитал он. – Я снова буду неудачником! Теперь придется ждать до следующего года. А ведь *ты обещала!* – от бессильного гнева он сжимал кулачки в перчатках. Чувство вины пронзило Келли.

– Могу поспорить, что ты даже самолет не найдешь вове-

мя! И мы не успеем съездить к папе сегодня вечером. И мы не посмотрим кино. У нас не будет ни жареного цыпленка, ни десерта, который ты обещала. Потому что ты не держишь свои обещания!

Келли сделала глубокий вдох и напредила себе о том, что больше нельзя пользоваться словами вроде «я обещаю».

– Надеюсь, мы найдем самолет до наступления темноты, – сказала она. – Тогда мы успеем съездить к папе.

– Кто был на этом дурацком самолете? И почему он вдруг разбился?

– Женщина-пилот. – Она вписалась в очередной крутой поворот на извилистой лесной дороге. Покрышки скользили и увязали в глубокой грязи. – Мы еще не знаем, кто она такая и почему ее самолет потерпел крушение. Но мы примерно представляем, где он мог застрять ниже по течению.

Как местный управляющий спасательной службы, вчера вечером Келли отправила групповое сообщение, где дала своей команде из четырнадцати добровольцев координаты места сбора недалеко от реки Таксис. Оттуда группы должны были отправиться дальше пешком или на квадроциклах. Поиски с воздуха в такую погоду были невозможны, как и использование дрона. Одним из ее заместителей был энергичный Оскар Йохансон. Келли поручила ему поставить штабной автомобиль SAR на обозначенной стоянке, откуда она будет руководить поисками вместе с одним из полицейских. Будучи добровольцами, они всегда работали с ведома поли-

ции и под контролем правоохранительных органов.

Формально только полицейские могли поручить группе SAR проведение поисковой операции, но после того, как Келли позвонили из полиции, она должна была связаться с координационным центром чрезвычайных ситуаций и получить регистрационный номер для операции. Без этого номера добровольцы лишились бы страховки и не смогли бы получить денежную компенсацию в случае травмы или увечья.

Келли получила эту работу «по наследству» от своего мужа Питера. Она согласилась временно выполнять ее – так сказать, греть место для него. И ей это нравилось. Она хорошо справлялась со своими обязанностями. Она умела ладить с людьми, обладала хорошими лидерскими навыками и позитивным взглядом на мир и имела обширную подготовку. Кроме того, она провела достаточно поисково-спасательных операций, чтобы считаться ветераном в этом деле. Однако в глубине души все, – включая ее саму, – ожидали возвращения Питера на командный пост. Она постоянно испытывала ощущение тикающих часов, уходящего времени.

Келли выехала на поляну. Несколько машин уже стояло под деревьями, в том числе заляпанная грязью патрульная машина RMCP с полосами вдоль бортов и мигалкой на крыше. Оскар расположил штабной автомобиль SAR на задней стороне поляны, освобождая место для парковки. Возле машины был установлен раздвижной навес со столом внизу, где стояли два электрических кофейника, кружки и пласти-

ковые тарелки с домашней выпечкой. Сержант Мэйсон Денье стоял у стола и беседовал с Оскаром, который держал в руке кружку горячего кофе. Оскар был норвежцем с очень светлыми волосами, страстным скалолазом и байдарочником, последние восемь лет жил в Канаде. Он был специалистом SAR по спасению людей в бурных водах. Келли очень полагалась на его талант, силу и выносливость. Еще к числу его достоинств относилось сдержанное чувство юмора.

Когда она парковала свой автомобиль между деревьями и ветви скребли по крыше, ее мысли обратились к новому сержанту. Если бы вчера Мэйсон Денье подождал еще несколько минут до ее приезда, то они были бы избавлены от нелегкой задачи, да еще и в такую жуткую погоду. Бенджамин попал бы на свою вечеринку в честь Хэллоуина.

Вместо этого она посылала людей на поиски в том районе реки Таксис, который считался опасным в дождливую погоду и представлял смертельную угрозу для любого, кто мог оказаться в бушующей ледяной воде. Ее раздражение усилилось, когда она поставила автомобиль на ручной тормоз, выключила двигатель и потянулась на заднее сиденье за своей фуражкой и коробкой сдобных булочек, которые она напекла вчера ночью. Выпечка помогала бороться с бессонницей, которая в последнее время превратилась в непрошеную спутницу.

– Пошли, Бен, – она надела фуражку, выпустила волосы, собранные в «конский хвост». – Впрочем, ты можешь

остаться в автомобиле. Генератор будет поддерживать тепло, а ты пока поиграй или почитай книжку. Но если захочешь, то сможешь даже помочь нам с поисками, – она старалась держаться жизнерадостно.

Бен нахмурился и плотно сложил руки на груди. Он опустился на сиденье – нелепое и сердитое маленькое существо с клоунской физиономией под кислотно-зеленым париком. Келли ощутила, как нарастает беспокойство.

– Бенни?

– Я хочу, чтобы он вернулся домой.

Эти слова выбили ее из равновесия. Ее мысли смешались, и она тяжело сглотнула.

– Он... он вернется, Бен.

– Когда?

– Скоро, – она закашлялась. – Надеюсь, очень скоро.

Сын посмотрел на нее накрашенными тушью глазами на расплывшейся маске Джокера.

– Ты обещаешь?

Боль огненным цветком распустилась в ее груди, когда она услышала иронию в голосе маленького мальчика. Вместе с болью пришло негодование, вслед за ними гнев. Все смешалось в одном горячем, ужасном, ядовитом коктейле. Как она могла обещать своему сыну то, над чем сама была не властна? Келли глубоко задышала, стараясь восстановить спокойствие, необходимое для предстоящей операции.

– Почему бы тебе самому не спросить его сегодня вече-

ром? – тихо сказала она.

Напомаженный рот распахнулся, когда он недоверчиво уставился на нее.

– Ты что, совсем глупая? Он мне не скажет; ты же *знаешь*, что он этого не сделает!

Она заморгала при виде жгучей ярости в глазах мальчика и тихо сказала:

– Тебе нужно спрашивать его о подобных вещах, Бенни. Нам обоим это нужно. Думаю, так будет лучше. Если он будет серьезнее к ним относиться, то это случится.

– Ты врешь!

Кто-то постучал в затуманенное окошко. Это был Оскар; он жестикулировал и указывал на свои часы, а потом на штабной автомобиль, где ждал Мэйсон Денье. Келли махнула рукой, давая понять, что скоро подойдет.

– Пошли, Бенни, – повторила она.

– Я не хочу.

– Твой папа захотел бы, чтобы мы нашли этот самолет, Бенджамин. Он бы гордился тобой, если бы узнал, что ты помог нам.

– Я не буду помогать. Лучше посижу в этом тупом автомобиле!

– Ты уже помогаешь, Бенни, – просто потому, что находишься рядом. Иначе я бы даже не смогла приехать сюда.

Она открыла дверь.

– Меня зовут Бен, а не Бенни, – его нижняя губа дрожала.

– Прошу прощения, Бен.

Почему я больше не могу называть своего ребенка Бенни? Ему всего лишь восемь лет. Можно ли поставить его возраст на паузу до тех пор, пока Питер не вернется домой? Как я могу допустить, что Питер пропускает столько важных моментов жизни Бена – все эти дни, недели и месяцы?

Сколько лет пройдет, прежде чем Питер снова войдет в их дом? Сколько еще ждать, пока Келли снова увидит свет любви в глазах своего мужа, услышит его смех, почувствует его прикосновение и снова займется с ним любовью хотя бы еще один раз?

Бен отвернулся от нее, вновь сложил руки на груди. Его плечи вздрагивали: он плакал.

– Бен?

– Я не пойду. Останусь в автомобиле.

Келли набрала в грудь побольше воздуха.

– Хорошо. Но я не могу оставить двигатель включенным. Когда замерзнешь, приходи погреться к штабному автомобилю, ладно?

Молчание. Зеленая голова так и не повернулась к ней.

С болью в сердце Келли вышла из автомобиля, закрыла дверь и, сгибаясь под ветром и мокрым снегом, направилась к тенту, где ждали Оскар и Мэйсон Денье. Оскар держал в руках планшет с прикрепленным к нему регистрационным списком SAR.

– О, ты принесла булочки, – обрадовался он.

– Доброе утро, сержант Денье. Извините за опоздание, но сиделка Бена заболела, и мне пришлось взять его с собой. – Келли поставила на стол пластиковую коробку с булочками и открыла крышку. – Угощайтесь. С этой стороны булочки с семенами тыквы и подсолнуха, а там – с кусочками банана и черникой. Без сахара, только с бананом, чтобы подсластить.

– Называйте меня Мэйсон, – сказал сержант. – И еще раз спасибо за вчерашний день.

Она встретила взглядом с его светло-серыми глазами с глубокими лучиками морщин в уголках. Что-то в выражении этих глаз заставило ее помедлить и приуменьшить значение его вчерашней ошибки.

– Давайте надеяться, что мы скоро найдем этот «Хэвиленд», – бодро сказала она, взяв булочку и налив себе кофе. – Можно приступать?

Пока она говорила, на поляну выехал еще один автомобиль с работающими стеклоочистителями, которые только размазывали грязь по ветровому стеклу.

– Это Джулия, – сказал Оскар. – Я попросил ее взять с собой Зиппера. Подумал, что этот инцидент будет хорошей тренировкой для служебной собаки из подразделения К9, натаस्कанный на поиск трупов. Джулия поставит свою подпись в регистрационном списке, и тогда мы сможем приступить к делу.

Келли и Мэйсон смотрели, как Оскар бежит по грязному снегу к машине Джулии. Та вышла наружу и открыла багаж-

ник своего кроссовера, чтобы освободить лабрадора шоколадного цвета, сидевшего в дорожной клетке.

Мэйсон выбрал булочку и впился в нее зубами.

– Значит, это Зиппер? – он кивнул в сторону лабрадора, энергично натягивавшего поводок.

– Да. – Келли потягивала кофе, наблюдая за резвившимся Зиппером. Пар клубился у ее лица. Она обратила внимание на других членов группы, которые уже приехали и теперь проверяли свое снаряжение, перекладывали рюкзаки или болтали, разбившись на маленькие компании и укрывшись под деревьями. Они знали, что ее и Оскара нужно оставить в покое для планирования поисковых работ.

Мокрый снег по-прежнему падал, иногда сменяясь ледяным дождем. Вода капала с защитных касок и тяжелых мокрых ветвей. Скорее всего, такая погода продержится до вечера, и видимость будет паршивой. Келли была благодарна хотя бы за то, что им не придется искать выживших. Жертвы катастроф не могут долго протянуть на таком холоде – от силы день-другой. Иногда не более четырех часов, в зависимости от психики. Она стала специалистом по поиску пропавших людей, предсказывая, кто из них и почему мог направиться в ту или иную сторону и каковы их шансы на выживание в любой конкретной ситуации. Ей так хорошо это удавалось, что ее стали часто приглашать помогать другим группам SAR во время особенно трудных поисков в Британской Колумбии.

– Кто такой Бен? – спросил Мэйсон.

Келли обернулась и посмотрела на него. Он перестал жевать и замер, держа в руке кусочек сдобной булки Келли, завернутой в несколько бумажных салфеток. Она указала на булку.

– Что, совсем скверная?

Он скорчил гримасу.

– Вообще ужасная.

Она фыркнула.

– Вот что я слышу, когда пытаюсь кормить здоровой едой полицейских, которые любят пончики.

– Кто сказал, что я люблю пончики?

– Но вы же полицейский, не так ли?

Он улыбнулся. На его худых щеках появились ямочки, и это, как ни странно, успокоило ее. Она отмахнулась от этого ощущения, но оно показалось ей совершенно необычным.

– Бен – это мой сын, – сказала она. – Восемнадцатого числа ему исполнилось восемь лет, и он очень расстроен тем, что ему придется пропустить вечеринку на Хэллоуин.

Улыбка Мэйсона померкла.

– Восемь лет?

– Ну да, совсем недавно.

Мэйсон быстро взглянул на ее руку, потом перевел взгляд на автомобиль, где темный силуэт головы Бена, так и не снявшего парик, был виден как тень за мглистым окном.

– Это прекрасный возраст, – тихо сказал он, не сводя глаз

с автомобиля. – Наслаждайтесь моментами, не давайте им ускользать от вас.

Келли нахмурилась.

– У вас есть дети?

– Нет, – ответ прозвучал резко; его лицо стало бесстрастным, как будто он облачился в броню и выставил щит. Профессиональный полицейский. Это заинтриговало ее.

Оскар вернулся под навес, держа в руках готовый список.

– Ладно, все здесь, – произнес он звучным голосом с певучим норвежским акцентом. – Давайте составим план нашего представления.

Оказавшись в штабном автомобиле, Келли расстелила на столе топографическую карту. Извилистые контурные линии обозначали сложный рельеф местности с высокими утесами и глубокими ущельями, через которые протекала река Таксис.

Келли указала пальцем на точку на карте.

– Последний раз я видела «Хэвиленд» здесь, в теснине Таксиса. Мертвый пилот, – вероятно, женщина, – был пристегнут в кабине. На первом этапе операции наша цель состоит в поисках тела и остатков самолета.

– А мы уверены, что она была мертва, когда ее увидели? – поинтересовался Оскар.

– Я уверен, – сказал Мэйсон.

Оскар потер квадратный подбородок, изучая карту.

– И там не было других пассажиров?

– Я никого не заметил, но у меня была плохая позиция для наблюдения, – ответил Мэйсон.

– «Хэвиленд» Beaver Mk1 может вместить от шести до восьми пассажиров, в зависимости от внутренней конфигурации, – сказал Оскар. – Здесь такие самолеты обычно используются для наблюдения за ледниками и для обзорных экскурсий. Но до сих пор никто не сообщил о пропавшем самолете или об опоздавшем пилоте.

– Мы проинструктируем членов группы искать признаки наличия пассажиров, – сказала Келли. – Гидроплан уплыл на стремнину вот здесь, – она сдвинула палец к извилистой линии реки. – С учетом высокого уровня воды и силы течения, особенно после дождей и необычно теплой погоды, я полагаю, что фюзеляж могло перенести через первый водопад в многоступенчатом каскаде, и мы с наибольшей вероятностью, – ВО примерно 60 %, – найдем его вот здесь, – она постучала по карте. – В большом бассейне под первым водопадом.

– ВО? – с вопросительной интонацией произнес Мэйсон. Келли встретила с ним взглядом и снова ощутила странную дрожь. Она кашлянула.

– Это вероятность обнаружения. Мы работаем с неопределенными величинами и прилагаем максимальные усилия там, где вероятность кажется наиболее высокой. Если мы ничего не находим, то расширяем зону поиска.

– Сейчас слишком сильный ветер и плохая видимость,

чтобы запустить дрон, – почти про себя заметил Оскар, продолжавший рассматривать карту.

– Его инфракрасная камера не поможет найти мертвое тело, – добавила Келли.

– Да, но при хороших условиях камера может показать силуэты под водой, – он указал на бассейн под первым водопадом. – Джулия может работать с Зиппером по этому берегу. Сейчас преобладает северо-западный ветер, так что этот участок расположен с подветренной стороны к бассейну, это лучшее место, где собака сможет учуять любой запах, исходящий от воды.

– Значит, собака найдет самолет в реке под водой? – спросил Мэйсон.

Оба спасателя выразительно посмотрели на сержанта. Возможно, он был первоклассным детективом в большом городе, но, несомненно, это была его первая поисково-спасательная операция, и ему просто не хватало опыта.

– Запах идет от тела в разбитом самолете, – сказала Келли. – Джулия Смит последние два года работала с Зиппером, чтобы он мог получить сертификат на определение трупного запаха даже в ничтожных количествах. Она донимала местного зубного врача и выпрашивала у него удаленные зубы, чтобы натаскать собаку на запах человека. Эти собаки могут работать и на плавсредствах, но инструктор должен понимать движение запахов, которые поднимаются с пузырьками воды или другими способами, чтобы правильно интер-

претировать реакцию собаки.

– Если Джулия и Зиппер хорошо сработались, это сэкономит массу времени и ресурсов в будущем, – сказал Оскар.

– Хорошо. Значит, команда К9 будет работать у большого бассейна. Вторая команда выдвинется на вездеходе ниже по течению, вдоль этой старой лесной вырубki, – Келли указала место. – Мы направим третью команду к верхнему уровню водопада на тот случай, если фюзеляж застрял на порогах и не свалился в первый водопад. Будем регулярно сверяться, менять дислокацию или собираться вместе в зависимости от результатов поиска, но остановимся до наступления темноты, – она подняла голову. – Эта операция не считается критической по времени. Маловероятно, что остались выжившие, и моя задача состоит главным образом в том, чтобы не подвергать лишней опасности наших людей.

Последнюю фразу она произнесла ради Мэйсона.

– Что касается нас, – добавил Мэйсон, – навигационная служба не получила сообщений о пропавших самолетах или незавершенных рейсах ни в одном из информационных центров. Не было принято никаких сигналов с аварийных транспондеров. А управление воздушного транспорта сообщает, что в канадском реестре гражданской авиации нет гидроплана с регистрационной аббревиатурой C-FABC.

– Вы уверены, что это точная аббревиатура? – спросил Оскар.

– Я все правильно запомнил, – холодно ответил Мэйсон.

Келли и Оскар обменялись взглядами. Оскар приподнял бровь.

– Однако в архивном реестре имеется «Хэвиленд» с такой аббревиатурой, – продолжал Мэйсон. – Но он был удален из действующего реестра десять лет назад.

– Что это значит? – спросил Оскар.

– Согласно правилам управления гражданской авиации, из реестра удаляются воздушные суда, которые были разрушены, уничтожены, навсегда списаны с летного учета или считаются пропавшими без вести после окончания поисков, – пояснил Мэйсон. – Или если самолет пропадает без вести более шестидесяти суток.

– Значит, этот гидроплан был списан со службы? – спросила Келли. – То есть у него не было полетной лицензии?

– Иногда допускается повторное использование регистрационных знаков для другого воздушного судна, если старый самолет был окончательно списан, но в данном случае нет никаких указаний, что это было сделано.

– *Faen*, – тихо выругался Оскар на своем родном языке и провел рукой по коротко стриженным волосам. – Выходит, мы ищем нелегальный самолет?

– Возможно, – сказал Мэйсон.

Адреналин забурлил в крови Келли, пока она смотрела на Мэйсона. Она резко встала и потянулась за курткой, которую сняла в теплом автомобиле...

– Интересно, что за груз он перевозил... контрабанду?

– Может быть, наркотики, – предположил Оскар, надевавший куртку. Они последовали за Келли на ветреную поляну, где она созвала свою группу для инструктажа.

Поиск Мэйсон

Мэйсон наблюдал за Келли, пока она умело и подробно отвечала на немногочисленные вопросы после инструктажа. Эта женщина была уверена в себе и в роли лидера чувствовала себя отлично. Властному виду Келли Саттон мог бы позавидовать любой полицейский. Внимание Мэйсона переключилось на группу добровольцев, стоявших под дождем. Самому старшему было на вид около шестидесяти лет; младшая девушка выглядела на девятнадцать. Закаленные жители горного края. Мэйсон всю жизнь работал с жесткими, напористыми людьми, но здесь была жесткость иного рода. Таких людей хочется иметь на своей стороне, когда ты проигрываешь или тебе нужна помощь вдалеке от любых прелестей цивилизации. Эти люди полагались на себя, а не на технологию.

– Ищите следы масла или керосиновой пленки на воде, – говорила Келли, пока они стояли перед ней, плотно застегнув куртки, а вода стекала по шлемам. – А также необычные следы вдоль берегов. Оставайтесь начеку, – она помедлила и поочередно посмотрела на каждого члена своей группы. – В поисковой операции не бывает случайных совпадений, и ничто не должно считаться слишком мелким или незначитель-

ным для сбора, записи и доклада. Всегда есть шанс, что какая-то странность может стать главной уликой, когда сформируется общая картина, — ее взгляд остановился на Мэйсоне. — Пока складывается впечатление, что этот самолет летел без надлежащего разрешения, и мы не знаем, какой груз находился на борту, если он вообще там был. Сбор улик должен проводиться с учетом того, что наш поиск может лечь в основу уголовного расследования, — она выдержала паузу. — Есть еще вопросы?

Они покачали головами.

— Тогда давайте приступим, — сказала Келли. — Но прежде всего не забывайте об осторожности!

Когда волонтеры SAR разделились на команды и начали выдвигаться к местам поиска, дверь автомобиля Келли распахнулась. Маленькое гуманоидное существо с зелеными волосами и в длинной фиолетовой куртке спрыгнуло в грязь. У Мэйсона кровь застыла в жилах.

Он смотрел, как маленький мальчик бежит по грязному месиву к штабному автомобилю SAR, и мозг подсказывал: *это сын Келли.*

Но другие мысли устремились по темному тоннелю в прошлое. Хэллоуин два года назад. Люк. Он носил такой же костюм Джокера. Дженни купила его на распродаже в «Уолмарте», когда каждый второй мальчик в округе хотел получить точно такую же обновку. Кровь отхлынула от его лица; окружающие звуки превратились в неразборчивое жуж-

жание.

Ощутив чью-то руку на плече, он развернулся и встретился взглядом с Келли.

– Сержант? С вами все в порядке?

Он встряхнулся, стараясь вернуться в настоящее время.

– Да, спасибо. Я... я буду в своем автомобиле, если понадобится вам. Мне нужно... проинструктировать капрала Хаббл.

Он быстро направился к своему автомобилю, ощущая на себе взгляд Келли, сверливший спину. Его сердце бешено стучало. Это было жестокое потрясение, причем совершенно неожиданное. Но маленький Бен Саттон находился примерно в том возрасте, что и его Люк. Тот же рост, те же цвета. Мэйсон никогда не думал, что призраки прошлого будут преследовать его здесь, – во всяком случае, не таким образом.

Мэйсон забрался в автомобиль и завел двигатель, чтобы прогреть салон. Потом вызвал Хаббл по спутниковому телефону.

– Сэр, – отозвалась она. – Вы что-то нашли?

– Поиски только начинаются. Мне нужно, чтобы вы связались с уголовным подразделением северной окружной штаб-квартиры RMCР в Принс-Джордже, сообщили им текущий статус расследования и ожидали дополнительных подробностей по мере их поступления.

– Думаете, гидроплан перевозил контрабанду?

– Мы не исключаем такую возможность. – Переброска наркотиков через огромные пространства северной глуши была серьезной проблемой не только для дельцов, но и для полицейских. – Держите их в курсе; в итоге это может оказаться связанным с одним из нераскрытых дел.

– Подтверждаю. Я перезвоню, если они предложат новую информацию со своей стороны.

Мэйсон отключился. На самом деле ему не нужно было звонить Хабб, но на улице он в какой-то момент почувствовал себя лишним. Он видел через окно, как Келли беседует с Беном перед штабным автомобилем SAR. Судя по всему, Бен о чем-то спорил со своей матерью. Стекла в машине Мэйсона запотели, когда салон прогрелся, и он вытер влагу, чтобы продолжить наблюдение. Келли опустилась на корточки в грязи и привлекла Бена к себе, крепко обняв его. Маленькая голова в зеленом парике на миг опустилась ей на плечо, и она накрыла ее рукой в перчатке. Их поливало дождем, и трогательность этой картины уколола Мэйсона прямо в сердце.

Эта сцена вдруг вызвала в нем воспоминания о Дженни.

Он едва ли не чувствовал ее присутствие в своем автомобиле – настолько сильно, что это причиняло боль. Другое воспоминание было выцветшим, как старая фотография: они втроем перед Рождеством. Это было их последнее семейное Рождество. Ноющая физическая боль зародилась где-то в животе и мучительно сдавила грудь. Кто мог знать,

что горе окажется такой злобной и коварной сущностью, которая ослепляет тебя, когда ты даже не думал об утрате, но внезапно не можешь отделаться от мыслей о ней? Что-то с глухим стуком упало на крышу автомобиля, и кусок мокрого снега медленно съехал по ветровому стеклу. Лес снаружи как будто потемнел, туманные щупальца клубились вокруг. Местность выглядела призрачной, зловещей и определенно недружелюбной. Мэйсон глубоко вздохнул и посмотрел на часы. Здесь от него почти ничего не зависело, и оставалось только ждать. И ему не хотелось сидеть в фургоне штабного автомобиля вместе с Келли и Беном.

Он снова задумался о том, насколько опрометчивым и даже пагубным было решение занять эту должность и застрять здесь, посреди диких гор, вдалеке от всего знакомого и привычного. Это была некая разновидность холодной тюрьмы, откуда он не сможет сбежать по меньшей мере два года, если хочет и дальше быть полицейским. Иногда он был не уверен, что хочет этого. Иногда он не был уверен даже в том, что хочет жить.

Келли отвела Бена в штабной автомобиль. За окнами машины Мэйсона снова сгустился туман. Усевшись в этом мглистом коконе, он заставил себя вызвать из памяти перевернутое лицо пилота, ее молочно-белые глаза, безжизненно смотревшие на него. Регистрационные символы, выведенные черной краской на фюзеляже. Он точно запомнил их, не так ли? Они тоже были перевернуты, но Мэйсон обла-

дал необычной способностью запоминать длинные последовательности букв и цифр. Неужели он теряет рассудок?

Минуты вяло тащились за минутами. Он снова посмотрел на часы.

Хабб связалась с ним по спутниковому телефону и сообщила, что в архивных материалах уголовного отдела в Принс-Джордже нет ничего, связанного с упавшим самолетом.

Он снова представил себе картину крушения. Поплавки торчат в воздухе, крылья сломаны. Пилот висит с открытым ртом, удерживаемый привязными ремнями.

Он решил вернуться в штабной автомобиль SAR и спросить, как продвигаются поиски. Но когда он открывал дверь, из фургона выпрыгнула Келли, державшая каску в одной руке, другой поднимая капюшон куртки над фуражкой. Она поспешила ему навстречу.

– Есть находка! – сообщила она, как только Мэйсон вышел из машины. – Команда K9 обнаружила остатки гидроплана в мелководной части бассейна, который мы определили как место наиболее вероятного обнаружения. – Ее щеки покраснелись, глаза взволнованно горели. – Оскар со своими скалолазами смог закрепить его, и они уже начинают поднимать его по частям на лебедке. Пойдемте, – она протянула ему каску. – Я могу доставить нас туда на квадроцикле, но вам придется ехать отдельно; мне не с кем оставить Бенни.

Бен вышел из фургона в куртке с логотипом SAR с чужо-

го плеча, слишком большой для него. Он сменил свой парик на каску, а его руки в больших перчатках казались несуразно длинными. Мэйсону показалось, что мальчик выглядит комично и трогательно. Бен засеменил следом за матерью, которая направилась к двум квадроциклам, стоявшим в грязи за штабной машиной. Мэйсон пошел туда же, пытаясь вспомнить, когда он в последний раз водил квадроцикл. Он испытывал облегчение, смешанное с легким недоумением. Они нашли остатки самолета, причем довольно быстро. Вот и слава богу; это отчасти искупало его глупость.

– Вы же знаете, как им управлять? – спросила Келли, помогая Бену устроиться на одном из квадроциклов.

– Да, – он забрался на сиденье и включил двигатель, стартовавший с приятным утробным рычанием. Тогда он надел каску. Келли сделала то же самое. Бен, сидевший у нее за спиной, крепко прижался к ней. Она завела двигатель, передала вызов по рации и покатила в лес.

Мэйсон последовал за ней по извилистой тропе, петлявшей между деревьев. Келли задала быстрый темп, и ему понадобилась максимальная сосредоточенность, чтобы не терять ее из виду и держаться прямо. Но через двадцать минут поездки Мэйсон вошел во вкус и даже испытал прилив восторга, сходный с ощущением свободы. Сосредоточенность на дороге, на постоянной скорости и новых ощущениях – все это, пусть и ненадолго, позволяло ему оторваться от своих призраков.

Возможно, переезд в Клуэйн-Бэй был не таким уж плохим решением.

Они обогнули гребень холма, и Келли сбросила скорость. Он последовал ее примеру. Двигаясь неторопливо, Келли начала спуск по крутому и скользкому склону. Один раз она остановилась и оглянулась посмотреть, как идут дела у Мэйсона. Он поднял вверх большой палец, и она поехала дальше.

За прогалинами между деревьями в мглистом воздухе он неожиданно увидел речные бассейны и услышал рев водопада наверху. Он остановил квадроцикл и несколько секунд просто наслаждался. Это было поразительное зрелище: дикое и необузданно прекрасное. За туманом над краем верхнего бассейна он увидел ярко-красные куртки технических экспертов SAR, работавших с канатами и системой шкивов для вытаскивания из воды остатков гидроплана.

Он последовал за Келли, которая уже была на месте. Они остановились на тропе, недалеко от берега. Мэйсон и Келли сняли каски и поднялись по крутому склону к скалам над водой.

Когда они вышли к скалам, фюзеляж показался из воды. Двое мужчин со скрипом и скрежетом вытянули его на плоский каменный карниз. Гидроплан потерял оба поплавка; крылья были практически оторваны, а фюзеляж проломлен с одного борта.

Оскар вышел на мелководе и заглянул в кабину пилота. Он застыл неподвижно и довольно долго находился в этой

позе, пока Келли и Мэйсон не спустились к нему. Когда Оскар выпрямился, его лицо было очень бледным, и он обратился к Мэйсону, а не к Келли:

– Вам нужно это увидеть, сержант.

Мэйсон в форменных сапогах побрел по мелководью. Он снял с пояса фонарик и наклонился, чтобы заглянуть в тень под разбитым кокпитом. Женщина-пилот по-прежнему находилась в страховочной упряжи, но ее лицо было расположено на куски. К горлу Мэйсона подступила тошнота; это он допустил такое, когда отправил самолет к порогам перед водопадом. Ее голова была изогнута под неестественным углом. Он посветил фонариком вбок и только тогда увидел нож. Его сердце подпрыгнуло, и он заставил себя наклониться еще ближе.

– Вот паскуда, – прошептал он.

Нож, воткнутый по самую рукоятку, торчал в шее пилота с правой стороны. Судя по расположению клинка, Мэйсон предположил, что ее сонная артерия была перерезана мгновенно. Рядом с ножом была еще одна небольшая рана: бескровная, зияющая, ромбовидной формы. Создавалось впечатление, что убийца с ножом нанес два удара. Возможно, первый был пробным, или у него дрогнула рука, но второй был смертельным. Женщина должна была истечь кровью за минуту. Его мысли беспорядочно скакали. Могла ли она быть зарезана в воздухе? Было ли это причиной крушения? И что в таком случае стало с нападавшим?

– Похоже на «Скрэйд», – тихо сказала Келли.

Он не заметил, как она подошла и встала рядом.

– Что?

– «Скрэйд». Старая марка охотничьих ножей. Их называют «пробойниками» из-за агрессивно загнутого кончика лезвия. Этот довольно старый: видите кожаные накладки светло-коричневого и шоколадного цвета на рукояти? – она указала пальцем. – И клинок перед гардой потемнел от окисления. Он изготовлен из высокоуглеродистой стали, которая с возрастом приобретает красивую патину. С новой нержавеющей сталью такого не бывает.

Он сурово посмотрел на нее.

– Красивая патина?

– Мой отец коллекционировал ножи. Я до сих пор храню его коллекцию.

– Мне нужно, чтобы ваша команда отступила в сторону, Келли. Теперь это расследование убийства.

Гости в лесном доме

Моника

25 октября, воскресенье

Моника позволила Деборе тяжело опираться на нее и Натана, пока они помогали хромавшей женщине подниматься по тропе от причала. Моника сочувствовала ей. Причиной был не только холод; то неглубокое место, куда упала Дебора, было заполнено вонючей илистой водой и заросло камышом. От ее промокшей одежды исходил тухловатый запах, а волосы слиплись от ила и кусочков мертвых водорослей.

Они медленно двигались вперед под барабанившим дождем, потому что заросшая тропа, ведущая к дому, тоже была грязной и скользкой. Колючие кусты, сбросившие листву, преграждали путь на поляну перед домом, и повсюду виднелись заросли мха и белесые грибы. Кажется, даже в ясные дни это место не получало достаточно света.

Странное место для дома, подумала Моника. Здесь, в сырой тени, под сенью горы, похожей на надгробие.

За колючими кустами на них надвигались деревья. С высоты полета окрестные леса казались бесконечными и нарушались лишь неприступными горными хребтами, уходившими за горизонт. Ветви раскачивались на ветру; лес поскри-

пывал и стонал. Толстые щупальца тумана обвивались вокруг дома. Здание было большим и двухэтажным, сложенным из огромных бревен, потемневших с годами. Ряд грязных окон наверху следил за их приближением, словно глаза, подернутые мутной катарактой.

Когда они приблизились к тотемным столбам, Моника посмотрела вверх.

Подножия столбов до середины обросли мхом и лишайником. На голове деревянного ворона с раскинутыми крыльями сидел живой ворон, похожий на судью в черной мантии. Она взглянула на Натана и убедилась, что он тоже изучает тотемы. Его лицо было напряженным; судя по всему, он испытывал не меньший страх, чем она сама. Эта мысль наполнила Моника странным и не вполне уместным негодованием. Ей хотелось, чтобы Натан нашел выход из положения. Чтобы он спас ее, как рыцарь в сияющих доспехах. Глубоко внутри она сознавала, что хочет, чтобы Натан произвел впечатление на Стивена. Ей хотелось, чтобы Стивен завидовал Натану, а не относился к нему свысока. Как ни грустно, хотя муж обожал Моника, он иногда приводил ее в замешательство, просто оставаясь самим собой. Ей казалось, что это плохо отражается на ее репутации; она не смогла сделать спутником своей жизни привлекательного альфа-самца, и люди относились к ней не очень серьезно, потому что она вышла за «грибного профессора», который уже начал лысеть и округляться в талии.

Ворон внезапно расправил крылья и черной тенью слетел со столба под дождем. Он исчез в густых облаках, накатывавших из-за гранитной горы.

Она оглянулась посмотреть, продолжают ли Стелла и Джекки спорить друг с другом. Но Стелла забралась в самолет и теперь вручала Джекки предметы багажа, а та передавала их Стивену, относившему вещи к дальнему концу причала.

– Они выносят наш багаж из самолета, – обратилась Моника к Деборе. – Скоро мы отмоем вас и переоденем во все сухое. И Стив осмотрит вашу лодыжку. Он же врач; я уверена, что он сумеет по- мочь.

– Теперь уже *Стив*, а не Стивен? – осведомился Натан с другой стороны от Деборы.

Моника предостерегающе взглянула на него.

В лесу раздался шум: треск, затем громкий шорох. Все дружно остановились и стали вглядываться в глубокую тень.

Деревья вокруг шевелились и перешептывались друг с другом. Сердце Моника забилося быстрее. Лес казался разумным существом, недовольным их присутствием. Натану нравилось думать о деревьях в такой антропоморфической манере. Он любил напоминать ей, что все они связаны под землей мицеллярной сетью, – информационными магистралями, с помощью которых они могут общаться друг с другом, предупреждать о грозящей опасности, гибели или болезнях. От этого у Моника по спине пробежал холодок.

Она даже отказывалась составить Натану компанию, когда он приглашал ее прогуляться за грибами в лес неподалеку от дома. Из-за него лес казался ей злонамеренным существом.

– Что это было? – прошептала Дебора, широко распахнув глаза.

Моника прищурилась, вглядываясь в темноту между стволами. Ей показалось, что она видела что-то черное, двигавшееся за деревьями, но потом оно пропало.

– Наверное, это просто ветер чудит, – бодро сказала она. – Давайте лучше посмотрим, сможем ли мы войти в этот дом.

Стивен подошел сзади с двумя сумками в руках.

– Посмотрю, открыт ли дом, – буркнул он и пошел дальше.

– Что, если там кто-то есть? – окликнула Дебора.

– Тогда они могли бы развести камин и приготовить нам ужин! – не оглядываясь, крикнул Стивен. – Но я сомневаюсь; похоже, что дом годами стоял заброшенным.

Он поднялся по широким ступеням крыльца и остановился на площадке перед дверью с рогами, прибитыми наверху.

– Какого черта он вообще здесь делает? – тихо пробормотал Натан.

– Ты же слышал Аманду, – резко сказала Моника. – Как и нас, его пригласили для оценки потенциальных возможностей этого места.

– Это выглядит неестественно.

– Но я в этом не виновата, не так ли? Перестань вести себя так, как будто я пригласила его сюда. Я понятия не имела...

Дебору, прижавшуюся к ней, начала бить крупная дрожь.

– Я и не винил тебя, – прошипел Натан. – Я сказал, что это выглядит неестественно, как странная случайность.

– Это случайность, что Стивен руководит клиникой пластической хирургии? А я случайно возглавляю сеть магазинов здорового питания со службой доставки? У меня и у него есть успешный бизнес, Натан. Что странного в том, что нас *обоих* приглашают к участию в тендере за шикарный контракт? У тебя чрезмерно обостренная реакция.

– Знаешь, что чертовски странно, Моника? Я совсем не вижу условий для этого шикарного контракта. Это, – он махнул рукой в сторону мрачного дома, – это определенно не санаторно-оздоровительный курорт «Лесная сень» с услугами высшего класса. Что выглядело несусветной чушью с самого начала, – идея о том, будто пациенты после хирургической операции захотят лететь в такую глушь для «восстановления сил». По-моему, доктор Стивен должен был бы сам задуматься об этом... если только он что-то не затевает.

Она встретила с мужем взглядом и начала понимать его опасения. Их вчерашний разговор эхом отдавался у нее в голове.

«Я откуда-то знаю Берта Кундеру, но не могу припомнить откуда, – сказал Натан. – И у меня нехорошее ощущение по этому поводу».

«А ты его спрашивал?» – поинтересовалась Моника.

«Он сказал, что не помнит меня, но не может быть уверен

на все сто процентов».

А сегодня утром Моника заметила, как Берт внимательно смотрит на Натана за завтраком. Вероятно, он напрягал память, пытаясь что-то вспомнить. Или на самом деле вспомнил?

Оба они также знали лицо Кэти Колбурн по выпускам вечерних новостей, когда они жили в Ванкувере. Образ Кэти Колбурн с микрофоном в руке у Моники был нерасторжимо связан с кошмаром, который ей хотелось забыть, поскольку Кэти освещала *тот самый инцидент*. Моника могла думать о нем только в образном смысле, как о *том самом инциденте*. Отсутствие конкретных подробностей облегчало ей совесть и позволяло думать о случившемся как о чем-то постороннем для нее.

Но *тот самый инцидент* был громкой темой для новостей, поэтому Кэти было поручено освещать его.

И Кэти Колбурн ничего не знает о моей связи с тем инцидентом. Вообще ничего. Мы смогли замять это дело. Мы смогли остаться безнаказанными. Поэтому нам не о чем беспокоиться.

Но оставался Стивен, который тоже был нерасторжимо связан с *тем самым инцидентом*. И он находился здесь.

Темный, холодный ужас зашевелился в груди Моники. Что-то глубоко скрытое и непрощеное стучалось в стены, воздвигнутые в ее сознании вокруг старых воспоминаний.

– Если бы я знал, что он будет здесь, то не стал бы приез-

жать, – прошептал Натан. – Как ты можешь ожидать, что я проведу десять дней с...

– Этого не будет! – яростно вмешалась Дебора. Она задрожала так сильно, что лязгнула зубами. – Она... С – с-стелла уввезет нас отсюда. З-з-завтра мы отправимся д-домой. Все это ужасная ошибка!

Они подошли к крыльцу. Откуда ни возьмись, появилась Кэти Колбурн, снова снимавшая их на камеру. Моника вспыхнула от раздражения.

– Вы не могли бы просто выключить эту дрянь? – резко спросила она.

Кэти опустила камеру и посмотрела ей в глаза.

– Мне очень жаль, – невозмутимо сказала она. – Но вы все подписали...

– Мы подписались под поездкой на роскошный курорт, Кэти, – отрезал Стивен и застучал кулаком в дверь. – Так что можно обойтись без формальностей.

Кэти нахмурилась. Стивен постучал еще три раза и крикнул:

– Эй там, внутри! Есть кто дома?

Только глухое эхо от ударов отозвалось на его крики.

Сердце Моника учащенно забилося.

Стивен пнул дверь ногой и дернул за ручку. Тяжелая деревянная дверь была не заперта и со скрипом отворилась. Стивен замер на пороге, напряженный как струна и явно готовый метнуться в сторону, если кто-то бросится на него из-

нутри.

– Есть кто дома? – спросил он в темноту.

Молчание было ответом, но казалось, будто дом выдохнул через дверь порыв влажного воздуха с душком плесени.

Стивен шире распахнул дверь, подобрал сумки и вошел в дом. Моника, Натан, Дебора и Кэти последовали за ним.

– Эй! – снова громко крикнул Стивен. – Есть кто живой?

В полумраке медленно кружились пылинки, потревоженные звуком его голоса. Когда глаза Моника приспособились к сумраку, тени приобрели очертания. Они находились в пещерообразной комнате со сводчатым потолком, достигавшим второго этажа. Деревянная лестница поднималась на галерею с рядом дверей наверху. Исполинский каменный камин занимал центральное место у одной стены. Кожаные диваны и стулья с плавно изогнутыми ножками в виде когтистых лап были сгруппированы вокруг кофейного столика перед очагом. Длинный обеденный стол стоял возле арочного проема, судя по всему, ведущего на кухню. На кофейном столике находилась книга в кожаной обложке и нечто вроде шахмат с резными деревянными фигурками, расставленными на черно-белой каменной доске. Моника отпустила Дебору, оставив ее на усмотрение Натана, и шагнула дальше.

Медленно поворачиваясь по кругу, она обозрела U-образную галерею наверху. Первобытные маски – жуткие лики с длинными, жесткими черными волосами и разинутыми ртами – висели на стене рядом с лестницей. На другой стене над

старинной конторкой висело ружье и старая плетеная корзина для рыбы. Другую стену украшали картины, написанные маслом и заключенные в массивные рамы. В промежутках между ними были закреплены головы животных, обработанные хорошим таксидермистом. Олень, лось, оскалившаяся пума. Это место больше всего напоминало музей. Монике казалось, что они прошли через портал во времени и оказались в прошлом или в какой-то альтернативной вселенной.

– Эй! – снова крикнул Стивен. Сверху посыпалась пыль. Все задрали головы, пытаясь определить, откуда она летит. Над ними висела люстра, сплетенная из оленьих рогов, размером не меньше, чем «Фольксваген»-«жук».

– Здесь кто-нибудь есть? – выкрикнул Стивен. Его голос слегка дрогнул.

Звук раскатился по всему дому и вернулся к ним гулками отголосками. Казалось, дом закряхтел – или это был лишь ветер, усилившийся снаружи и задувавший под стропилами?

– Боже мой, Стивен, прекрати орать, – резко произнес Натан. – Здесь никого нет.

В камине послышался шорох. Все повернулись на звук. Шорох раздался снова; скрежет крошечных когтей по камню. Сердце Моника заколотилось.

Они обменялись взглядами.

– Просто крыса или мышь, – тихо сказал Стивен.

Моника подошла к двери, ведущей из большой комнаты, и осторожно приоткрыла ее.

– Ох, смотрите! – воскликнула она. – Здесь есть огромная ванная комната. С ванной и всем остальным.

Она вошла внутрь и нагнулась над ванной, потом повернула медный кран. В трубах что-то закашляло и зазвенело. Из крана пошла струя воды чайного цвета, из другого такая же. Потом вода начала очищаться, и в трубах заухало, когда заработал насос, скрытый где-то внутри здания.

– Вода должна поступать из колодца, – сказал Стивен, стоявший у двери. Натан подошел сзади, помогая Деборе. Кэти оставалась в большой комнате и продолжала снимать.

– Или ее качают прямо из озера, – возразил Натан.

Стивен неприязненно покосился на него.

– Над ванной есть газовая колонка, – сказала Моника. – Она нагревает воду, проходящую по трубам. – Она повернула ручку аппарата, и внутри заплескали язычки голубого пламени. – По крайней мере, у нас есть горячая вода.

– Только не пейте ее, пока не прокипятите как следует, – предупредил Натан.

– Дебора, милая, идите сюда, – Моника протянула руку. – Сейчас мы поможем вам вымыться и согреться. Натан, ты принесешь сумку Деборы? Стивен, вы не могли бы посмотреть, есть ли здесь кухня с запасом еды, и можем ли мы приготовить себе чай или кофе?

Моника помогла Деборе дойти до деревянной табуретки под стихотворением, висевшим в рамке на стене.

На вешалке было восемь полотенец. Она понюхала одно

из них, и оно показалось ей затхлым, так как провисело уже довольно долгое время, но вполне чистым.

– Может быть, кто-то из мужчин разведет огонь? – крикнула она, когда Натан закрыл дверь ванной.

Моника помогла Деборе снять мокрую куртку, стянуть обувь и носки. Вернулся Натан с ее сумкой. Он поставил сумку на пол и немного помедлил.

– Мне жаль, любимая, – наконец произнес он.

Моника кивнула.

– Все в порядке.

Он накрыл ладонью ее щеку и с силой повернул к себе. Это изумило и немного испугало ее. Он заставил ее смотреть вверх, прямо ему в глаза.

– Все будет замечательно, – твердо сказал он.

Она сглотнула, глядя на него.

– Да, все так и будет, – сказал он. – Мы прорвемся.

Вместе с этими словами пришли неожиданные чувства. Она часто заморгала. Натан любил ее. Ради нее он готов был сдвинуть небо и землю. Возможно, ее ответная любовь была не такой сильной, и это причиняло ему боль. Возможно, она подтолкнула его слишком далеко, стала чересчур невнимательной. Но здесь, где Стивен и Кэти Колбурн вернули ей воспоминания о том ужасном времени, она осознала, что нуждается в нем. А он нуждался в ее поддержке, потому что они разделяли тайну, способную погубить их обоих. Вместе со Стивеном. И бремя, наложенное этой старой тайной, бы-

ло бы невыносимым для одного человека.

Натан повернулся, собираясь выйти. Но когда он начал закрывать за собой дверь, она позвала его.

– Оставь ее приоткрытой, хорошо? Только... маленькую щелочку.

Их взгляды встретились, и он почти незаметно кивнул.

Моника повернулась к Деборе. Только тогда она обратила внимание на слова, вышитые крестиком на обрамленном холсте над головой Деборы.

Прокляты те, кто согрешил
И покрывает ложью дела свои,
Ибо Чудище восстанет изнутри,
И они раскаются в содеянном.

Она замерла и увидела выражение своего лица в покрытом ржавыми пятнышками зеркале над старой фаянсовой раковиной.

– Что случилось? – спросила Дебора, заметившая внезапную перемену.

– Я... нет, ничего. Все в порядке. Вам нужно будет помочь устроиться в ванной? – спросила она и наклонилась, чтобы открыть краны.

Но в ее сердце поселилось новое беспокойство.

Гости в лесном доме

Натан

Натан обнаружил Стивена – златовласого волокиту с туго набитыми карманами и мышцами, накачанными на соревнованиях по триатлону, – в большой кухне, где тот возился со старой газовой плитой.

Кухня была темной и выглядела закопченной. Центральное место занимал массивный остров с каменной столешницей и разделочной доской, над которым был развешан ассортимент потемневших медных сковородок, кастрюль из литого железа и другой кухонной утвари. В углу стоял деревянный блок с ножами всевозможных размеров. Мясницкий секач размером с мужской ботинок лежал на разделочной доске рядом с колотушкой для отбивания мяса. Натану они показались похожими на средневековые пыточные инструменты.

– Боже правый, – пробормотал он. – Похоже на нечто из другой эпохи или из фильма ужасов.

Стивен поднял голову.

– Газ, – сказал он и похлопал по плите. – По-видимому, он поступает из большой цистерны с пропаном где-то за домом, – он протер пятно на грязном окне, выходявшем на задворки дома. – Видите?

Натан подошел ближе и посмотрел. Он увидел Берта, который равномерно наклонялся и выпрямлялся в тумане рядом с открытым навесом, задняя стена которого представляла собой длинную поленницу. Берт тоже заметил их. Он поднял топор над головой и помахал им с ликующей улыбкой, а потом указал на поленницу. В другой руке он держал большой нож с агрессивно загнутым наконечником лезвия.

– Какого черта он там делает? – спросил Натан.

Стивен открыл окно.

– Дрова сухие! – крикнул Берт. – Здесь есть топор и все остальные инструменты. Мы можем развести огонь.

Он убрал жутковатый нож в ножны, прикрепленные к поясу, и послал всем еще одну торжествующую улыбку, прежде чем разместить на чурбане грубо спиленное полено. Расставив ноги пошире, он размахнулся топором и с глухим стуком опустил его. Полено раскололось пополам.

– Он похож на озорного бойскаута в летнем лагере, – пробормотал Стивен, закрывая окно. – Выглядит слишком довольным, что по меньшей мере странно в таких обстоятельствах.

Натан еще немного посмотрел через грязное окно, как Берт рубит дрова. Этот парень явно находился в расцвете сил. Тренированный, мускулистый. *Мужественный*. Судя по всему, он рассматривал жизнь как большое и увлекательное приключение, от которого нужно брать все возможное и получать удовольствие по полной программе. Когда Натан пе-

рестал так относиться к жизни? Приходилось ли ему вообще так наслаждаться жизнью?

Может быть, в этом и заключалась его проблема. Пока он смотрел, он снова обшаривал закоулки своей памяти, пытаюсь вспомнить, где раньше видел Берта Кундеру. Чем дольше он смотрел, тем более тревожным становилось его ощущение.

– Она работает! – воскликнул Стивен.

Натан вздрогнул.

Стивен указал на газовую плиту. Вокруг одной из горелок танцевали язычки голубого пламени. Хирург взял чайник со свистком, стоявший рядом с плитой, и направился к раковине. Когда он повернул кран, в трубах заурчало, и послышался звук работающего насоса. Стивен лил воду, пока она не очистилась, потом сполоснул чайник, наполнил его и поставил на плиту.

Натан наблюдал за ним. Он чувствовал себя как человек, попавший в некую альтернативную реальность.

– Скажите, Стивен, почему вы вообще решили, что эта затея с лесным курортом в дикой глуши будет полезна для вашей клиники? – спросил он.

Стивен замешкался. Какое-то время он не смотрел на Натана, а потом тихо сказал:

– У меня были сомнения. Косметический туризм – развивающаяся отрасль. Мы могли бы завязать партнерские отношения, и это стало бы возможностью для маркетинга. Я

просто хотел проверить, как все устроено.

– Почему? Потому что вы знали, что Моника тоже придет?

Стивен гневно уставился на него. В воздухе повеяло опасностью. Натан вдруг осознал присутствие ножей, мясницкого секача, тяжелых сковородок и прочей кухонной утвари повсюду вокруг них.

– Поищите кружки, хорошо? – сказал Стивен и повернулся к столешнице.

Натан колебался. Он не доверял этому человеку, но решил пока что оставить все как есть. Ясно, что эта ситуация во всех отношениях была странной и двусмысленной. Он открыл несколько дверей в буфетных тумбах, пока не обнаружил в одной из них стеклянные стаканы и фаянсовые кружки. Он потянулся за кружкой.

– Что за чертовщина? – произнес Стивен.

Натан повернулся к нему с кружкой в руке. Стивен держал разноцветную коробку с детской кашей быстрого приготовления, которую он взял из бумажного бакалейного пакета, лежавшего рядом с плитой. Он сосредоточенно хмурился.

– «Тути-Попс»? С клубничным ароматом? – Он порылся в пакете и достал товарный чек. – Куплено немногим более месяца назад. Кто-то недавно побывал в этом доме.

Стивен более внимательно посмотрел на чек и внезапно побледнел.

– А вот это странно, – прошептал он. – Это совсем стран-

но.

– Что именно?

Он протянул чек Натану.

– Посмотрите, где это было куплено.

Натан взял чек и прочитал название магазина. У него судорожно сжалось сердце; в ушах зазвенело. Он медленно поднял голову и встретился взглядом со Стивеном.

– Магазин «Китс-Корнер» на Четвертой Западной улице, – тихо сказал Стивен.

Сцена из прошлого жарко вспыхнула в сознании Натана. Моника, рыдающая в их старой спальне. Ее красное лицо раздулось и покрылось пятнами; слова вырывались наружу вместе с хриплым дыханием.

«Я... Я видела коробку с детским питанием, Натан. Она была раздавлена, и каша рассыпалась... маленькие цветные комочки под дождем. И яйца, разбитые яйца...»

– Что еще лежит в пакете? – неожиданно охрипшим голосом спросил Натан.

Стивен достал картонку с десятком «натурально выращенных» яиц и батончик «Сникерс».

У Натана задрожали колени. Время как будто растянулось. Этого не было в новостях. Там ничего не сообщили о яйцах, детской каше и шоколадном батончике. По определенной причине полицейские решили скрыть эту информацию. Только они с Моникой знали правду. И Стивен тоже. Ему стало нехорошо; казалось, его может стошнить в любой

момент.

Стивен вроде бы успокоился и продолжал рассматривать чек.

– Мы... раньше мы жили на этой улице, – прошептал Натан. – В двух кварталах от этого магазина.

Но доктор Стивен Боден знал это. Он очень хорошо это знал.

Волны воспоминаний прокатывались между двумя мужчинами. Это были общие, но не совместные воспоминания. Они выросли и превратились в нечто осязаемое на этой закопченной кухне. В то, что связывало и одновременно разделяло их. В то, что Натану как будто удалось похоронить и забыть годы и годы назад. В то, что в конце концов заставило их с Моникой переехать на восток, – фактически спастись бегством. Попытаться начать все сначала. Он перевел взгляд на коробку с детской кашей; пеликан Тути поедал «Тути-Попс». Когда-то Стивен держал в руках такую же коробку. Звенья прошлого смыкались и превращались в цепь, сковывавшую их обоих.

Никому из них не хотелось облекать в слова это бесформенное ощущение. Ни один из них даже не осознавал, что происходит на самом деле, не говоря уже о попытках как-то выразить это.

Берт с шумом вошел на кухню через заднюю дверь с охапкой дров в руках. Оба вздрогнули.

– Что-то случилось? – он перевел взгляд со Стивена на

Натана.

– Нет, ничего, – Стивен откашлялся.

– Газовая плита и колонка работают, – сообщил Натан. – И здесь есть водопровод.

Он повернулся спиной к остальным и начал с преувеличенной деловитостью вынимать кружки из буфета. Его сердце гулко стучало в груди, над верхней губой выступил пот.

– И здесь есть чай, кофе, банки с тунцом и готовым супом, – добавил Стивен, поспешно открывший еще несколько дверей в буфетных тумбах.

Берт нахмурился.

– Что ж, по крайней мере, мы не останемся голодными. – Он направился в большую гостиную, но помедлил у выхода. – Я обнаружил тропу. Похоже, она ведет к другой бухте, но было уже слишком темно, чтобы ходить туда без фонарика.

– Думаете, она может привести к настоящему лесному курорту? – спросил Стивен.

Натан заморгал. Со стороны это выглядело так, словно врач был готов ухватиться за любую соломинку и как будто до сих пор надеялся, что Стелла допустила ужасную ошибку в определении координат по GPS-навигатору.

– Мы можем проверить завтра утром, если только... – начал Берт.

– Настоящего лесного курорта не существует, – Джеки возникла у двери, ведущей из большой комнаты на кухню.

Все повернулись к этой плотно сложенной женщине с пронзительными темными глазами.

– Это не ошибка, – резко сказала она. – Это разводка, дурной розыгрыш.

– Что вы имеете в виду? – спросил Берт.

– Разве вы не видели табличку снаружи, рядом с парадной дверью? Дом называется «Лесная сень», как и санаторно-оздоровительный курорт «Лесная сень». Вот сами посмотрите, – она достала из кармана брошюру и развернула ее на каменной столешнице кухонного островка. – Я сделала распечатку с веб-сайта еще до отъезда, – она указала на фотографию роскошного коттеджа. – Это фальшивка, прифотошопленная к тому месту, где мы сейчас находимся. Видите эту бухту и форму соседней бухты? А эту гору? Так выглядит местность с воздуха. Мы находимся здесь, но какие-то умники нафотошопили вокруг целый курорт. Они стерли часть леса, добавили отдельные домики и красивые дорожки, а фотографии интерьеров взяли с других курортных сайтов или рекламных материалов, – она обвела их взглядом. – Все было сфальсифицировано с самого начала. Нас заманили сюда. Всех до одного. И теперь мы находимся в ловушке.

Зловещий холодок пробежал по кухне. Наверху хлопнула ставня, и засвистел ветер. Сырой, вязкий туман сгустился за окнами, и внутри сразу же потемнело.

– Но почему? – спросил Берт, так и державший дрова в руках.

– Бог знает, – Джекки медленно провела рукой по волосам. – Но прямо сейчас мы тут застряли. Мы заглохли наживку и попали в какую-то загадочную тюрьму в лесной глуши.

– Но мы не в ловушке, – Стелла вошла на кухню. – У нас есть самолет. Есть пилот в моем лице. У нас хватает топлива. Мы...

– У нас нет проклятого радио! – отрезала Джекки и развернулась к Стелле с яростным взглядом.

– *Что?* – произнес Стивен.

Серые глаза Стеллы гневно сверкнули, отвечая на вызов Джекки.

– Давайте, расскажите им. Радиопередатчик выведен из строя, провода перерезаны. Это диверсия.

– Но я слышал, как вы разговаривали с диспетчером по радио, – растерянно сказал Натан.

– Оно не работало, не так ли, Стелла? – сказала Джекки. – Диспетчер не мог вас услышать. Никто не знает, что мы здесь, верно?

Стелла стиснула зубы.

– Когда вы собирались сообщить нам об этом, Стелла? – поинтересовался Стивен.

– Я не хотела делать это сразу же. Страх и тревога – нехорошее дело, когда...

– Когда *что?* Бог ты мой! Кто вы такая, чтобы решать, что нам нужно или не нужно знать? – Стивен буквально взъел-

ся на нее. – Ради всего святого, вы же обычный пилот, а не распоряжаетесь нашими жизнями.

– Есть шанс, что утром я почию рацию. Если бы поломка была мелкой и я бы успела все сделать сегодня, то вы бы так и не узнали об этом.

– Значит, вы решили поиграть в Бога, – презрительно заключил Стивен. – Потому что иначе *мы бы ударились в панику*, – он выразительно помахал пальцами у висков.

– А вы не паникуете? – спросила она.

На кухне воцарилась тишина. На какой-то безумный момент показалось, что дом подслушивает их. Что он живой и враждебно настроен к ним. Натан почувствовал, как волоски на его руках встают дыбом. Он был чувствительным к подобным вещам и мог ощущать, что деревья в лесу слушают и смотрят на него.

Берт первым нарушил молчание:

– Когда вы узнали, что рация повреждена?

Стелла глубоко вздохнула и сняла с головы мокрую фуражку.

– Она работала вчера днем, когда я летела к хребту Тан-дерберд. Я обнаружила неполадку только после нашего взлета сегодня утром.

Они пораженно уставились на нее. Берт кашлянул.

– Значит, кто-то повредил рацию ночью, когда гидроплан стоял на причале у отеля «Тандерберд»?

– Очень похоже на то, – ответила Стелла.

– Выходит, мы никому не можем сообщить о себе, – сказал Стивен. – Вообще никому. И никто не ожидает нашего звонка, потому что мы сказали друзьям и близким, что десять дней будем находиться в уединенном месте, где нет мобильной связи.

– Если мы не вернемся через десять дней, то по крайней мере «Вест Эйр» будет знать, куда нужно направить людей, чтобы найти нас, – сказал Натан.

– Нет, не будет, – возразила Стелла. – Я получила координаты GPS в текстовом сообщении вчера вечером. Сегодня утром я собиралась сообщить их моему диспетчеру и только тогда поняла, что рация не работает.

– Вот так, – заключила Джекки. – Разве вы не обратили внимания, что мы слышали в наушниках только то, что она сама говорила? Мы не слышали ответов диспетчерской службы «Вест Эйр», а ведь связь должна быть двухсторонней.

Так вот почему Джекки сцепилась со Стеллой на причале, подумал Натан. Вот о чем они спорили.

– А как насчет Аманды Ганн? – поинтересовался Берт. – Она знает координаты?

– Нет. Я уже сказала, что лично получила их в текстовом сообщении от концерна RAKAM.

– Значит, им все известно, и они кого-нибудь пришлют сюда, – предположил Натан.

– Ну да, конечно, – Джекки презрительно усмехнулась. –

Тот самый концерт РАКАМ, который самым очевидным образом сфальсифицировал эту проклятую поездку. Вы в самом деле полагаете, что они собираются оказать нам помощь?

– Вот бл...дство, – выругался Берт. – Но почему кому-то понадобилось это сделать? Что за дьявольщина здесь творится? Что вообще происходит?

Он переводил взгляд с одного лица на другое; его руки явно начинали уставать от тяжелой охапки дров.

– Сначала нам нужно установить приоритеты, – сказала Стелла. – Этот штормовой фронт задерживает нас здесь. Сейчас идет проливной дождь, но до утра может выпасть снег. У нас есть наш багаж и теплая одежда. У нас есть дрова, и мы можем развести огонь, – она кивнула в сторону открытых буфетных тумбочек. – Судя по всему, в ближайшее время нам не грозит голод. Стало быть, мы поедем, займемся своими делами, будем оставаться в тепле, пока шторм не уляжется, а потом улетим домой и сообщим об этом инциденте.

– Нет... нет, я не согласен с таким положением вещей, – в словах Стивена пульсировал гнев, за которым угадывалась обыкновенная паника. Натану доставляло удовольствие видеть этого самоуверенного человека растерянным и даже *испуганным*.

– Прислушайтесь к ее словам, Стивен, – сказал он. – Они имеют смысл. Вероятно, завтра утром мы сможем починить

рацию и во всем разобраться. В темноте, да еще в такую непогоду, мы можем только оставаться здесь. Сейчас Моника помогает Деборе принять ванну и согреться. Вы же врач: посмотрите, что у нее с лодыжкой. Мы приготовим кое-какую горячую еду из консервированных продуктов, а потом решим, что делать дальше.

– Сколько времени по прогнозу может продолжаться штормовая погода? – спросила Джекки у Стеллы.

– Несколько дней, – Стелла потерла подбородок. – Возможно, целую неделю.

Комната снова погрузилась в тишину. Ветви деревьев, раскачиваемые ветром, скребли по наружной стене, а со стороны горного склона доносились странные стонущие звуки.

Заверещал свисток. Все вздрогнули и принялись оглядываться по сторонам. Пар с громким свистом вырывался из носика закипевшего чайника. Последовавший за этим нервный смех звучал не менее пронзительно. Смеялись все, кроме Джекки, которая молчала и недовольно смотрела на собравшихся.

Стивен снял чайник; было заметно, что его мышцы вибрируют под рубашкой, как натянутые струны.

– Натан, – сказала Стелла. – Вы не могли бы помочь Монике довести Дебору до дивана перед камином? А вас, Берт, я попросила бы разжечь камин.

Берт как будто вспомнил, что продолжает держать охапку колотых дров.

– Да-да, само собой. – Он вышел из кухни.

– А где Кэти? – спросила Стелла.

– Ведет съемку перед парадным входом, – отрывисто сказала Джекки. Она повернулась и тоже вышла из кухни.

Стивен залил кипятком чайный пакетик и обратился к Натану:

– Кем эта летчица себя возомнила, если думает, что может командовать нами? Кто ее сделал начальницей? Кто решил ей...

– Ох, лучше заткнитесь, Стивен, – довольно резко сказал Натан. – Она здесь единственная, кто говорит разумные вещи.

Но что-то в поведении Стеллы тоже беспокоило его, хотя он и не мог понять, что именно.

– А я болтаю глупости? – взъярился Стивен. – Вы это хотите сказать?

Рот Натана наполнился горечью.

– Я вас знаю, Стивен, – тихо сказал он.

Стивен прищурился. Его взгляд сочился ядом. В этот момент доктор Стивен Боден выглядел как человек, который способен на убийство. И Натан точно знал, что он уже это совершил.

– В самом деле? – произнес Стивен.

– Да, в самом деле, – Натан отвечал медленно и взвешенно, не сводя глаз со Стивена. – Моника многое рассказывала о вас. Мы с ней делились всеми секретами.

Стивен сглотнул.

– Стелла Дагер раздражает вас потому, что она не прощается ниц перед вашей божественной хирургией. Я прав? Вам кажется, что она не уважает вас и подрывает ваш авторитет. Она раздражает вас еще и потому, что лучше контролирует ситуацию, и вдобавок она сильная женщина. Она не из тех, кому захочется раздвигать перед вами ноги.

– Пошел ты к чертовой матери, Натан, – прошептал Стивен. Атмосфера опасно накалилась. – Ты знаешь, какое слово я имел в виду. – Хирург покосился на дверь и понизил голос до сиплого шепота: – Ты знаешь, почему твоя жена изменяла тебе.

– Я мог бы уничтожить твою карьеру, Стивен. Мог бы уничтожить твою клинику.

– Но если ты это сделаешь, то сам пойдешь на дно, братец. Вы *оба* пойдете на дно, – последовала пауза и кривая ухмылка. – И у тебя ниц нет, чтобы это сделать. Знаешь, в чем твоя проблема, профессор Гриб? Твоя беда в том, что ты действительно любишь ее.

На шее Натана выступили жилы, его руки рефлекторно сжались в кулаки. Он посмотрел на деревянную стойку с кухонными ножами. На какой-то момент им овладело дикое желание схватить один из этих ножей и вонзить его поглубже в кишки Стивену Бодену. Он хотел убить его, по-настоящему хотел.

Блаженная ухмылка Стивена стала шире. Он взял кружку

чая.

– Она вертит тобой, профессор. Она держит тебя на коротком поводке. – Он пронес кружку мимо Натана, слегка задев его на ходу, когда прошептал ему на ухо: – У профессора-подкаблучника не хватит мужских силенок, чтобы свалить меня, – верно, Натан?

Слова повисли в пустой кухне, как брошенный вызов.

Сердце Натана гулко колотилось в грудную клетку. Его пальцы сжимались и разжимались.

Он снова посмотрел на ножи.

Гости в лесном доме

Кэти

Кэти Колбурн помогла Стелле отнести багаж в комнаты наверху, пока остальные занимались камином. Стелла носила головной фонарь, который взяла с собой из аварийного комплекта на гидроплане. Потом они зажгли одну из нескольких керосиновых ламп, обнаруженных в кладовой на кухне.

На верхнем этаже было семь спален; каждая дверь выходила на U-образную галерею, по периметру большой гостиной. Окна четырех спален были обращены к озеру, а в других трех спальнях они смотрели на подножие окутанного туманом горного склона. В каждой комнате имелись двуспальная кровать, деревянный шкаф и комод с тремя ящиками. Каждая комната была оборудована примыкающей маленькой ванной с туалетом. Их украшали антикварные картины и предметы ушедших эпох.

– По одной комнате на каждого из нас, – обратилась Кэти к Стелле, когда они расставляли багаж перед дверями.

– Если супружеская пара пожелает ночевать на одной кровати, – сказала Стелла, входя в одну из комнат с видом на озеро. – Хотите занять эту спальню?

Кэти вошла следом за Стеллой и положила свою дорож-

ную сумку рядом с темной кроватью с четырьмя резными деревянными столбиками. Белое постельное белье слегка пожелтело. Она приподняла уголок наволочки и почуяла слабый запах плесени. По ее спине пробежал мелкий холодок.

Стелла отошла, чтобы сложить свои вещи в соседней комнате, а потом вернулась к ней.

– Я нашла еще одну керосиновую лампу, – летчица подняла старую медную лампу с мерцающим огоньком. Тени дрожали и метались вокруг, пока она двигалась по комнате. Снаружи доносился ритмичный стук: Берт рубил новую порцию дров для камина.

Кэти смотрела, как Стелла подходит к окну и вглядывается в ненастные сумерки. Она смотрела на свой самолет. Кэти подошла к ней.

– Как вы думаете, что на самом деле случилось с рацией? – тихо спросила она.

Стелла глубоко вздохнула. Ее лицо в свете керосиновой лампы казалось бледным и угловатым. Она даже выглядела похудевшей и усталой. В ее глазах промелькнуло какое-то неясное чувство.

– Не знаю. Могу лишь предположить, что кто-то пробрался в кабину ночью или совсем рано утром и перерезал провода, ведущие к антенне. Изначально самолет не был оборудован радиосистемой, ее смонтировали потом. – Она помедлила. – Кто-то хорошо знал, что он делает. Это преднамеренный саботаж.

– Но *почему*?

– Это вопрос на миллион долларов, не так ли? Почему мы все оказались здесь? Почему именно мы?

– Как вы думаете, что происходит? – спросила Кэти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.